

РОМАН,
* КОТОРЫЙ
* ХОЧЕТСЯ
ПРОЖИТЬ *

ШВЕЯ ИЗ ПАРИЖА

НАТАША
ЛЕСТЕР

Чем ты готова пожертвовать, чтобы о тебе узнал весь мир?

Наташа Лестер
Швея из Парижа
Серия «Невероятные
женщины Наташи Лестер»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67817319

Швея из Парижа: Эксмо; М; 2022

ISBN 978-5-04-171830-5

Аннотация

В детстве Наташа Лестер обожала читать сказки. Ей нравилось погружаться в волшебный мир, который разворачивался на разноцветных страницах. «Каково это – заставить читателя испытать те же эмоции, что и я испытывала в те далекие дни?» Этот вопрос не давал писательнице покоя.

Но мечта сбылась не сразу – десять лет она работала в отделах маркетинга L’Oreal и Maybelline. Наташа признается, что у нее никогда в жизни не было такой большой коллекции губных помад. Это был отличный опыт, однако Лестер хотела серьезно заниматься литературой.

Ее первую рукопись много раз отвергали, но она продолжала писать и верить в чудо, и чудо произошло. Теперь Наташа могла назвать себя настоящим писателем.

В романах Наташи Лестер, как в зеркале, отражается ее интерес к истории, исследованиям, путешествиям, моде. А еще – ее пристрастие к сильным женским образам.

Книги Наташи Лестер давно и прочно занимают место в списке бестселлеров и стоят на полках читателей по всему миру.

Чем ты готова пожертвовать, чтобы о тебе узнал весь мир?

Французская швея. Британский шпион. Американская наследница. Эта история начинается в Париже и охватывает континенты и столетия.

Париж, 1940. Юная Эстелла Биссетт живет с матерью и работает в швейной мастерской. Она амбициозна, остра на язык, с детства изучает английский и мечтает стать великим модельером. Когда немецкие войска приближаются к Парижу, мать Эстеллы просит дочь уехать в Америку, к отцу, которого девушка никогда не знала. И на последнем пароходе Эстелла Биссетт уплывает в новую жизнь...

Нью-Йорк, 2015. Фабьен прилетает из Австралии на выставку легендарной линии одежды своей бабушки. «Если бы только Эстелла могла увидеть все это...»

Фабьен знакомится с ведущим дизайнером «Тиффани» Уиллом Огилви, с которым встретится вновь уже в Париже.

Узнав больше о прошлом бабушки, Фабьен откроет удивительную историю потерь и обретений, разбитых сердец и исцеляющей силы любви.

«Лестер пишет о смелых и отважных женщинах». – *Herald Sun*

«Фантастически захватывающий роман». – *Келли Руммер*

«Если вы ищете книгу, от которой можно упасть в обморок, то она перед вами. Две любовные истории, охватывающие

континенты и столетия, обязательно понравятся любителям исторических романов». – *Refinery29*

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	32
Глава 3	47
Глава 4	68
Глава 5	95
Глава 6	118
Часть 2	123
Глава 7	123
Глава 8	140
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Наташа Лестер

Швея из Парижа

© Селифонова С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

* * *

Посвящается Руби.

Я обещала, что ты начнешь читать мои книги, когда тебе исполнится двенадцать. Тогда казалось, это произойдет еще не скоро. И вот тебе двенадцать, и мы с тобой родственные души. Надеюсь, ты всегда будешь любить книги и историю.

Приятного чтения, моя замечательная девочка.

Часть первая

Эстелла

Глава 1

2 июня 1940 года

Эстелла Биссетт бросила на стол рулон золотого шелка, и он развернулся, колыхаясь, словно подол танцовщицы канкана. Эстелла провела по ткани рукой, ощущая одновременно мягкость и чувственность; похоже на прикосновение розовых лепестков или обнаженной кожи.

– *What's your story morning glory*¹, – негромко произнесла она по-английски.

– Эстелла, твой английский лучше, чем у американцев! – засмеялась мама.

Эстелла улыбнулась. Ее учитель английского сказал то же самое год назад на последнем уроке, перед тем как влиться в ряды тех, кто покидал Европу: «У тебя акцент более американский, чем у меня!» Она зажала рулон под мышкой, набросила шелк на плечи и начала скользить по комнате в

¹ Буквально: «Расскажи свою историю, утренний цветок!» – устойчивое выражение, которое часто можно услышать в песнях. (*Здесь и далее прим. перев.*)

ритме танго, не обращая внимания на возгласы *Attention!*². Окрики женщин только раззадорили ее, и к танцевальным па добавилось пение: бодряя и незатейливая мелодия Жозефины Бейкер *I Love Dancing*³ слетала с губ, перемежаясь приступами смеха.

Эстелла в легком реверансе отступила назад и тут же резко выпрямилась, застыв свечкой. Конец рулона взвился над рабочим столом, где сидели швеи, и, едва не задев голову Наннетт, хлестнул по плечу Мари.

– Эстелла! *Mon Dieu*⁴, – скривилась Мари и притворно схватилась за плечо.

Эстелла чмокнула Мари в щеку.

– Такой шелк заслуживает по меньшей мере танго. – Девушка жестом показала на ткань, сияющую на фоне будничной обстановки швейной мастерской подобно яркой луне. Материал явно предназначался для платья, которое не просто вскружит головы, но и буквально заставит их вращаться быстрее, чем порхают по клавишам рояля пальцы Коула Портера⁵ в пользующемся дурной славой джаз-клубе Брик-

² Осторожно! (*фр.*)

³ *I Love Dancing* («Я люблю танцевать») – песня, которую исполняла Жозефина Бейкер (1906–1975), американская и французская танцовщица, певица и актриса.

⁴ Боже мой (*фр.*).

⁵ Коул Портер (1891–1964) – американский композитор, автор музыки к музыкальным комедиям.

топ⁶ на Монмартре.

– Он заслуживает того, чтобы ты села и начала работать, – буркнула Мари.

В дверях появился месье Омон, привлеченный шумом. Бросив взгляд на завернувшуюся в шелк Эстеллу, он с улыбкой спросил:

– Что натворила на сей раз *ma petite étoile*?⁷

– Она шлепнула меня отрезом, – пожаловалась Мари.

– К счастью, ты у нас девушка в теле. Такой все должно быть нипочем, даже шалости Эстеллы, – поддразнил он Мари. Та в ответ что-то процедила сквозь зубы.

– Что будем из этого шить? – спросила Эстелла, любовно разглаживая складки золотой ткани.

– Смотри. – Месье Омон протянул ей цветной эскиз.

Платье, сделанное на основе модели «Ла каваллини» от Ланвен⁸, двадцатых годов; однако вместо огромного банта, украшенного тысячами жемчужин и хрустальных бусин, такой же бант предлагалось декорировать сотнями крошечных золотых бутонов роз.

– О! – ахнула девушка и подалась вперед, чтобы коснуться эскиза. Она знала, что ряды изящных бутонов будут смот-

⁶ Ада Бриктоп (1894–1964) – американская танцовщица и певица, владелица ночного клуба Chez Bricktop («У Бриктоп») в Париже.

⁷ Моя маленькая звездочка (*фр.*).

⁸ Жанна Ланвен (1867–1946) – французская художница-модельер. В 1889 году основала модный дом.

реться издалека как сверкающие золотые капли и что в полной мере оценить идею модельера – волнообразную ленту из роз – можно будет, только подойдя ближе к женщине в этом платье. Как будто нет рядом никаких эполет, болтающихся за плечами противогозов, одежды всех оттенков синего – синева линии Мажино, темно-синий цвет формы Королевских военно-воздушных сил Великобритании, холодный блеск закаленной стали, – которые Эстелла все больше ненавидела.

– Если я когда-нибудь смогу создавать подобные эскизы, – сказала она, любясь изысканным рисунком Ланвен, – то буду так счастлива, что никогда не захочу иметь любовника.

– Эстелла! – воскликнула Мари с упреком, будто двадцатидвухлетней девушке не полагалось даже понимать значение этого слова и уж тем более произносить его вслух.

Эстелла взглянула через всю комнату на Жанну, свою маму, и прыснула от смеха.

Как и следовало ожидать, мама глаз не подняла и не вмешалась – сидела и продолжала мастерить из розового шелка маленькие вишневые цветки. Однако от Эстеллы не укрылось, как она сжала губы в струнку, чтобы сдержать улыбку. Мама знала: дочку хлебом не корми, только дай подколоть несчастную Мари.

– Платье нельзя сравнивать с любовником, – нравоучительно произнес месье Омон и указал на шелк. – У тебя есть две недели, чтобы превратить ткань в золотой букет.

– А обрезки останутся? – спросила Эстелла, по-прежнему

прижимая к груди рулон.

– Нам прислали сорок метров, но, по моим расчетам, тебе понадобится всего тридцать шесть. Если будешь работать экономно.

– Я буду экономна, как сказочная фея, плетушая французское кружево, – с благоговением произнесла Эстелла.

Она оторвала от груди рулон, натянула шелк на деревянную раму и закрепила булавками. Чтобы придать ткани жесткость, использовался раствор сахара в воде. Теперь Мари могла вырезать из нее кружкí при помощи тяжелого стального штампа.

Когда Мари закончила, Эстелла накрыла поролоновую подушечку чистой белой тканью, раскалила бульку – стальной шарик с ручкой – на небольшом огне, проверила температуру в кастрюле с воском, затем положила первый золотой диск из шелка на белую ткань и вдавила в него бульку. Диск мгновенно обернулся вокруг раскаленного инструмента и принял форму изящного лепестка розы. Эстелла отложила его в сторону и повторила процесс. До обеда она сделала две сотни бутонов.

За работой она, как обычно, болтала и пересмеивалась с Наннетт, Мари и матерью, пока Наннетт не произнесла тихо:

– Я слышала, солдат с севера бежит больше, чем гражданских из Бельгии и Голландии.

– Если солдаты бегут, кто встанет между нами и немцами? – спросила Эстелла. – Нам что, удерживать Париж швей-

ными иголками?

– Наш народ не пропустит бошей. Франция выстоит, – твердо сказала мама.

Эстелла вздохнула. Спорить бессмысленно. Как бы Эстелла ни желала уберечь мать, она понимала – никуда они не уйдут. Так и будут сидеть в швейной мастерской и делать цветки из ткани, будто нет ничего важнее модной одежды, – потому что уходить некуда. Они не присоединятся к потокам беженцев из Бельгии, Голландии и с севера Франции, потому что не знают никого на юге страны, кто мог бы их укрыть.

В Париже у них жилье и работа. За его пределами – ничего. Вот почему Эстелла промолчала, хотя ее тревожила слепая вера матери в способность Франции противостоять немецкой армии. И что такого, если они укроются за стенами мастерской и будут притворяться, что хотя бы еще несколько дней, пока модельеры, подобные Ланвен, заказывают им золотые шелковые цветы, все будет хорошо?

За обедом, когда в кухне мастерской все ели рагу из кролика, Эстелла уселась в сторонке от других женщин и начала рисовать. На листке бумаги она набросала карандашом фасон платья: длинная стройнящая юбка в пол, рукава-крылышки, перехваченная тонким пояском из золотого шелка талия, элегантный V-образный вырез и лацканы, как на мужской рубашке – несколько неожиданная деталь для вечернего платья в пол, однако Эстелла знала, что это сделает платье модным и оригинальным. Несмотря на облегающую юб-

ку, платье вполне подойдет для танцев: такое броское и смелое, платье для жизни. А летом 1940 года в Париже приветствовалось все, что обещало жизнь.

Мама покончила с рагу и, хотя до конца обеденного перерыва оставалось еще четверть часа, направилась к кабинету месье Омона. Эстелла наблюдала, как они тихо о чем-то переговаривались. Месье был из тех мужчин, кого называли *gueules cassées* – инвалиды Мировой войны с лицевым ранением. Часть его лица обезобразил огнемёт – рот перекошен, от носа мало что осталось... Он походил на монстра – хотя Эстелла давно не обращала на это внимания, – за пределами мастерской прятал лицо под медной маской и не скрывал своей неприязни к немцам, или бошам, как их обычно называли он и мама. В последнее время Эстелла видела, как в мастерскую заходили мужчины, встречались с ним на лестнице и уходили. Эти мужчины якобы доставляли ткань или красители; вот только принесенные ими ящики месье всегда распаковывал сам.

А мама – одна из семисот тысяч женщин, которых Мировая война оставила вдовами. Муж погиб вскоре после свадьбы, когда Жанне было всего пятнадцать. Два человека, у которых есть причина ненавидеть немцев и которые слишком часто что-то обсуждают шепотом – слишком серьезным, чтобы сойти за романтическую беседу.

Мама вернулась, и Эстелла вновь склонилась над эскизом.

– *Très, très belle*⁹, – сказала Жанна, взглянув на рисунок дочери.

– Сегодня вечером сошью платье из остатков ткани.

– И наденешь в *La Belle Chance*? – Мама назвала джаз-клуб на Монмартре, который Эстелла по-прежнему часто посещала, хотя, после того как в прошлом году французов мобилизовали, а британцы бежали из Дюнкерка, в городе осталось мало мужчин – лишь те, кто работал на выпускающих военную продукцию заводах и имел освобождение от призыва.

– *Oui*¹⁰, – улыбнулась Эстелла.

– Я буду на Северном вокзале.

– И завтра придешь на работу усталой.

– Как и ты сегодня утром, – проворчала мама.

Накануне вечером на вокзале дежурила Эстелла. Она раздавала по чашке супа беженцам, чей путь лежал через Париж, – одним посчастливилось сесть на поезд, другим пришлось пройти пешком сотни километров, спасаясь от немцев. Утолив голод, люди вновь пускались в дорогу – одни находили убежище у родственников, а другие продолжали двигаться, пока могли стоять на ногах, как можно дальше от войны, за Луару, где, по слухам, их ждала безопасность.

День прошел своим чередом – один бутон за другим... В шесть часов вечера Эстелла с матерью, взявшись за руки,

⁹ Очень, очень красиво (*фр.*).

¹⁰ Да (*фр.*).

шли вдоль Рю-де-Пти-Шан позади сада Пале-Рояль, мимо Пляс-де-Виктуар и рынка Лез-Аль; у домов рядами выстроились фургоны на конной тяге – теперь их использовали вместо грузовиков для подвоза продовольствия. Действительность, которую Эстелла пыталась не замечать, укрывшись под завесой золотого шелка, утвердилась в своих правах.

Прежде всего угнетало зловещее затишье; звуки не исчезли, однако в это время обычно они с мамой шли в плотной толпе – швеи, портные, закройщики и манекенщицы торопились домой после работы. Теперь мимо опустевших ателье и магазинов спешили редкие прохожие; в городе царил пустота, хотя еще недавно, всего месяц назад, Париж был полон жизни. Увы, после того как десятого мая закончилась *drôle de guerre* – «странная война»¹¹ – и гитлеровская армия вторглась во Францию, из Парижа начался отток людей. Сначала американцы в машинах с водителями, затем целые семьи в старых автомобилях, и, наконец, все, кто смог найти лошадь и повозку.

И все же стояла теплая июньская ночь; в воздухе пахло сиренью, каштаны выбросили свечи жемчужных соцветий, там и сям попадались все еще открытые рестораны и кинотеатры, модный дом Скиапарелли также работал. Жизнь продолжалась. Если бы только не замечать кошек, которые скитались

¹¹ Странная война – период между сентябрем 1939 г. и маем 1940 г., когда Великобритания и Франция объявили войну Германии, но активных военных действий фактически не предпринимали.

по улицам, выброшенные сбежавшими из города хозяевами, затемненное уличное освещение, светомаскировочные шторы в окнах – все то, что никак не вязалось с романтикой летней ночи в Париже!

– Я видела, как ты разговаривала с месье, – выпалила Эстелла, когда они пересекли рю дю Тампль и вдохнули знакомый запах гниения и кожи, доносившийся из квартала Марэ.

– Он идет со мной сегодня вечером, как обычно.

– На Северный вокзал? – настойчиво продолжала расспросы Эстелла, не в силах избавиться от ощущения, что в последнее время мама уходит из дому по вечерам не только для раздачи супа беженцам.

– *Oui*. – Мама сжала руку Эстеллы. – Начну с Северного вокзала.

– А потом?

– Я буду осторожна.

Что ж, подозрения Эстеллы подтвердились.

– Я с тобой.

– Нет. Лучше походи развлекись, пока еще можно.

Внезапно Эстелла догадалась, что все слова матери о том, что Франция выстоит, выражали ее отчаянный крик души, а не слепую уверенность. Мама выдавала желаемое за действительное ради дочери. Уже не впервые в жизни Эстелла почувствовала огромную благодарность матери: ведь та растила ее одна, сделала все, чтобы девочка окончила школу, трудилась не покладая рук, чтобы накормить, одеть и уберечь

ее, и ни разу не пожаловалась, что ограничила свою жизнь швейной мастерской и дочерью.

– Я люблю тебя, мама, – шепнула Эстелла и поцеловала Жанну в щеку.

– Это самое главное, – ответила та, улыбнувшись своей редкой и чудесной улыбкой, которая изменила контуры ее лица и позволила выглядеть на свой возраст. Ей всего тридцать семь – совсем не старая. Эстелле захотелось запечатлеть навсегда этот вечер и этот миг, пришить к небу стежками – настолько крепко, чтобы никто никогда не смог отпороть.

Вместо того она посмотрела вслед маме, удаляющейся вверх по рю дю Тампль в направлении Северного вокзала, и продолжила свой путь через пассаж Сен-Поль – узкий грязный переулок, который вел к потайному входу в великолепную церковь Сен-Поль-Сен-Луи. В этом переулке находилась и ее квартира. Эстелла толкнула парадную дверь дома. Старый консьерж месье Монпелье, как всегда пьяный, что-то буркнул и сунул ей в руки записку.

Она прочла ее и выругалась сквозь зубы. Ну почему именно сегодня?

– *Putain*¹², – прошипел консьерж, услышав ее слова.

Эстелла не удостоила его вниманием. Вот когда она выйдет из дома в золотом платье, пусть у консьержа глаза на лоб вылезут, а сейчас у нее другие дела. Девушка торопливо взбежала на шестой этаж по винтовой лестнице, вошла

¹² Потаскушка (*фр.*).

в свою квартиру и, несмотря на июньскую жару, накинула длинный плащ. Затем пустилась тем же путем обратно, пока не добралась до офиса закупочной конторы одного из американских универсальных магазинов недалеко от рю Фо-бур-Сент-Оноре.

Мадам Флинн – наверное, одна из немногих оставшихся в Париже американцев – была в офисе одна, в чем Эстелла не сомневалась. На столе перед ней высилась гора коробок с надписью «Скиапарелли».

– Как можно быстрее, – процедила мадам Флинн, повернувшись к девушке спиной, будто понятия не имела, чем сейчас займется Эстелла. Как бы не так!

Эстелла достала из коробок платье, спрятала под плащом и, не проронив ни слова, сбежала вниз по лестнице. Она прошла по улице и поднялась по другой лестнице в копировальную мастерскую, где подрабатывала в те дни, когда еще проходили модные показы. Во время этих показов подобные ей рисовальщицы в удачные дни могли сделать до пятидесяти эскизов моделей «от-кутюрье» и затем продать копировальщикам или непосредственно в закупочную контору американского универмага.

В Париже и Америке рынок для копий Шанель, Вионне, Ланвен, сестер Калло, Мейнбохер и прочих кутюрье было невозможно насытить. Эстелла всегда знала, что на эскизах для копировальщиков могла бы зарабатывать больше. При этом она понимала, что если будет каждый день копировать –

а фактически воровать – чужие модели, то никогда не осмелится создавать свои собственные. И потому работала рисовальщицей лишь во время показов. Ее карандаш рассеянно зависал над листком бумаги, и *vendeuse*¹³ не догадывалась, что девушка не только записывает номер приглянувшегося платья. Эстелла пристально рассматривала манекенщиц, элегантно дефилирующих по залу, и схватывала детали: количество складок на юбке, ширину отворота, размер пуговиц, при этом молясь, чтобы манекенщица двигалась помедленнее, не оставив Эстеллу с незаконченным эскизом, который невозможно будет продать.

Больше всего Эстелла любила показ мод от Шанель. Хотя зарисовать пятнадцать эскизов – непростая задача. Вроде бы и покрой несложный, но элегантность впечатляла – и приходилось постараться, чтобы уловить ее. Не просто ткань, пуговицы и застежки; каждое платье имело душу. У Шанель все было неброским и сдержанным. Эстелле недоставало буффонады, которая царила в модных домах типа Пату; на ее фоне легко можно скрыть свою тайную деятельность. А у Шанель такая *vendeuse* – любого снайпера за пояс заткнет! Каждому гостю выдавали узкий листок бумаги для заметок вместо большой программки, которая идеально подходила для того, чтобы спрятать эскизы, и Эстелле во время показа приходилось рисовать, практически не двигая карандашом.

Она всегда убеждала себя, что это лишь игра, и теперь,

¹³ Продавщица (*фр.*); здесь: распорядитель показа.

когда из-за войны американские покупатели не ходят на показы мод и заработок с последнего сезона значительно снизился, приходится хвататься за всякую возможность. Тогда она сможет несколько увеличить ежемесячную сумму в счет долга месье Омону за оплату уроков английского, которые по настоянию матери посещала каждый день после школы с шести лет. Уроки, которые мама не в состоянии была оплачивать и на которые месье Омон дал ей ссуду, – французским женщинам не дозволено иметь личный счет в банке, и потому взять кредит они тоже не могут. Так же, как не могут и голосовать; они низший класс, которому положено сидеть дома, не высовываться, готовить еду и рожать.

Война стала ужасным шоком для тех, кто только и умел, что тратить деньги на наряды. К счастью, Жанна Биссетт в силу обстоятельств воспитала Эстеллу более изобретательной. Потому Эстелла знала, что, хотя месье Омон мог бы списать долг в один миг, гордость матери не позволит не выплатить все до последнего гроша. А это невозможно без дополнительного заработка Эстеллы.

Именно уроки английского позволили ей добиться успеха в качестве рисовальщицы; никто из американских покупателей не говорил по-французски, и потому они предпочитали иметь дело с ней. Если она не будет выполнять поручения мадам Флинн, долг ляжет на плечи матери – долг, который только увеличился в последний год, когда она училась в парижском филиале Нью-Йоркской школы изобразительного и

прикладного искусства, располагавшемся в кампусе на Вогезской площади. Там, пока школа не закрылась из-за войны, у Эстеллы появилась мечта увидеть однажды свое имя на вывеске модного ателье и продавать покупателям собственные модели, а не краденые. Однако в такие моменты, как сейчас, со спрятанными под плащом шестью платьями от Скиапарелли, она понимала, что этому никогда не бывать и что любой покупатель из Америки вроде мадам Флинн, берущий комиссию с копировальщиков за то, что дает им на время комплект платьев для изготовления копий, поступает предосудительно: модельеры, подобные Эльзе Скиапарелли, могли за такое глаза выцарапать.

Эстелла поклялась себе, что делает это в последний раз.

Однако сейчас мадам Шапю ждет ее, чтобы начать работу. Закройщики взяли принесенные под плащом платья и начали делать выкройки, пока Эстелла рисовала эскизы, а мадам Шапю записывала, какие пуговицы понадобятся, и украдкой отрезала лоскутки ткани у швов в незаметных местах. Затем мадам Шапю дала Эстелле денег на такси, и девушка вернула платья мадам Флинн вместе с комиссией. Мадам Шапю платила за возможность скопировать модели. Эстелла знала, что завтра платья погрузят на отплывающий в Нью-Йорк корабль – если корабли еще выходят в море, учитывая неразбериху последних дней, – а у мадам Шапю платья будут готовы через два дня, и она продаст их проверенным покупателям из Парижа, желающим носить одежду «от-кутю», но не

желающим много за нее платить.

Затем Эстелла поспешила обратно в квартал Марэ – нужно поторопиться, если она хочет успеть вдохнуть жизнь в эскиз своего золотого платья и до полуночи появиться в нем в джаз-клубе. У своего дома она набрала ведро воды из колонки во дворе. Под недремлющим взглядом консьержа, который ненавидел Эстеллу и ее маму за то, что они отказывались в знак уважения покупать ему портвейн на Рождество, и который наслаждался мытарствами тех, кто жил в одном из многих парижских домов без водопровода, она втащила ведро на верхний, самый дешевый этаж. В квартире она налила воды в кофейник, поставила его на плиту и сварила себе кофе. Затем уселась за швейную машинку, взяла ножницы и раскроила ткань по эскизу, который сделала в мастерской. Был бы у нее закройщик, который мог воплотить в жизнь задуманное! Сама она понимала, что ей никогда не стать Вионне, которая работала сразу ножницами, без эскизов.

Через полтора часа платье было готово, и Эстелла не сдержала улыбку – все вышло как надо. Она натянула платье и, нахмурившись, взглянула на свои поношенные туфли. Сапожным ремеслом она не владеет, а денег на новую пару обуви нет. Эстелла набросила плащ на случай, если к ночи похолодает, проигнорировала противогаз, который полагалось иметь при себе, однако, уступив настояниям матери, повязала белую косынку, чтобы в затемненном городе ее могли видеть водители автомобилей.

Добравшись до Монмартра и миновав джаз-клуб Бриктоп – который был ей не по карману, – Эстелла вошла в другой клуб, пусть и не столь изысканный, но в котором определенно царила более приятная атмосфера. Там местный говорок сливался с мелодичными фразами саксофона; какой-то мужчина, явно работник военного завода, пытался протиснуться мимо Эстеллы, прижавшись несколько теснее, чем полагалось. Она отбрила его строгим взглядом и парой избранных словечек и уселась за столик рядом со своей подругой Рене.

– *Bonsoir*¹⁴. – Рене поцеловала ее в щеку. – У тебя не остались «Голуаз»?

Эстелла достала две последние сигареты. Девушки закурили.

– У тебя обнова? – ахнула Рене.

– Сама сшила.

– Я так и подумала. В ВНВ¹⁵ такого не отыщешь.

– Именно.

– Мне кажется или оно несколько... необычное?

Эстелла покачала головой. Рене носила одно из простых платьев, которые одиноко болтались на вешалках в Au Printemps¹⁶, и выглядела подобно всем женщинам в клубе: заурядно и бесцветно, как разбавленное вино, которое они пили.

¹⁴ Добрый вечер (*фр.*).

¹⁵ Универмаг в парижском квартале Марэ.

¹⁶ Торговый комплекс в Париже.

– Разве мы могли ожидать другого от Эстеллы? – послышался веселый голос. Ютт, сестра Рене, наклонилась и поцеловала Эстеллу в обе щеки. – Выглядишь *magnifique*¹⁷.

– Потанцуйте со мной, – прервал их грубый голос. От мужчины разило, как от ночной площади Пигаль, а именно ликером, смешанным с духами десятков женщин, которых он уже провел по танцплощадке. При дефиците мужчин он чувствовал себя королем. Такой тип, с учетом отсутствия манер, вообще не имел бы шанса, если бы большинство не ушло на фронт.

– Нет, спасибо, – ответила Эстелла.

– А я не против, – заявила Рене.

– Хочу ее. – Мужчина указал на Эстеллу.

– А мы вас не хотим, – настаивала она.

– Я пойду, – почти с отчаянием повторила Рене. Примета времени: девушка могла так и просидеть весь вечер без партнера. И вот один все же появился, пусть третьего сорта – но какая разница?

– Нет! – Ютт положила руку на плечо сестры.

Эстелла поняла, что жест вышел непроизвольно и говорил о том, как подруга любила Рене, как бы та ее ни раздражала. Она ощутила острую тоску и тут же осознала, насколько это глупо – желать того, чего у нее никогда не будет. Надо благодарить судьбу, что у нее есть мать, а не эгоистично завидовать тем, у кого есть сестра.

¹⁷ Потрясающе (фр.).

Мужчина выдернул Рене из-за стола и увлек на танцплощадку, стараясь притягивать ее как можно ближе к себе. Эстелла отвернулась, чувствуя отвращение, когда тот прижался к девушке промежностью.

– Пойдем споем что-нибудь быстрое, – сказала она Ютт. – Нужно сменить темп, чтобы она могла отлепиться от него.

Эстелла и Ютт направились к четверке немолодых музыкантов, с которыми они вдвоем провели не один вечер, играя на рояле и напевая, чтобы уроки музыки не пропали даром. Мама Эстеллы в юности училась пению в школе при монастыре и дома всегда напевала, считая, что музыка больше украшает квартиру, чем разные безделушки, и в раннем детстве передала свое увлечение дочери. Мама предпочитала оперные арии, а вот Эстелле нравились низкие хриплые звуки джаза.

Музыканты, не сбившись с ритма, чмокнули Эстеллу в щеки. Люк, пианист, похвалил ее платье. Он говорил на таком вульгарном и невнятном диалекте, что обычная француженка не смогла бы его понять. Люк закончил песню и отправился в бар пропустить стаканчик. Эстелла села за рояль; Ютт встала у микрофона рядом с Филиппом. Эстелла наиграла мотив *J'ai Deux Amours*¹⁸, и публика с благодарностью заплодировала. Она продолжила, надеясь, что каждый в зале достаточно сильно любит Париж и эта любовь спасет город от того, что может на него обрушиться, когда немцы

¹⁸ «У меня две любви – моя страна и Париж» (*фр.*), песня Жозефины Бейкер.

подойдут еще ближе. Голос Ютт был недостаточно высокий для этой песни, поэтому она столкнула подругу с банкетки и заставила петь вместо себя. Эстелла не возражала.

В конце последнего куплета к ней присоединились завсегдатаи клуба, и Эстелла поверила, пусть лишь на несколько секунд, что все будет хорошо: Париж – великий и легендарный город, и его блеск не под силу погасить такому маленькому и нелепому человечку, как Адольф Гитлер.

После того она еще немного посмеялась с Филиппом, Ютт и Люком, пока не спохватилась, что они недоглядели за Рене и та ушла с подонком, который пригласил ее танцевать. Эстелла внезапно почувствовала себя разбитой и подавленной, а еще намного старше своих двадцати двух лет.

– Мне пора. – Она встала и дважды расцеловала каждого в щеки.

Оказавшись на ночной парижской улице, Эстелла пошла домой не сразу. Она побрела через грязный и обветшалый квартал Марэ, запущенность которого становилась все более очевидной с каждым *hôtel particulier*¹⁹; особняки, некогда принадлежавшие аристократам – хотя теперь дома превратили в слесарные мастерские, а роскошные дворы оскверняли груды тележных колес, транспортировочные поддоны, пристройки и навесы, – по-прежнему стояли с высоко поднятыми головами. Эстелла проводила рукой по каменным стенам и поглаживала их, как отрез золотого шелка в швейной ма-

¹⁹ Особняк (фр.). – Здесь и далее имеются в виду заброшенные особняки.

стерской. Сможет ли запечатленное в камне изящество – подобное покрою платья от-кутюр, который никогда не спутать с прет-а-порте, – противостоять пикирующим бомбардировщикам и колоннам мужчин в холодно-серых мундирах?

На рынке Карро-дю-Тампль царила тишина; все торговцы тканями и секонд-хендом отправились спать, чтобы с рассветом выложить на продажу брошенную обитателями Елисейских Полей одежду, которую нашли в мусорных корзинах. Более того, и во всем районе было тихо; блуждая по городу, Эстелла зачастую оказывалась одна на всей улице. Она вбирала в себя образы, привычные с детства, но слишком прекрасные, чтобы считать их само собой разумеющимися теперь, когда они могли исчезнуть: увядающее великолепие красных, золотых и голубых росписей над воротами отеля «Де Клиссон» и искривленные средневековые башенки, обрамляющие ворота, подобно двум располневшим часовым; симметричные павильоны и роскошный крытый пассаж Карнавале.

Незаметно для себя она очутилась у дома на рю де Севи-нье, одного из «заброшенных особняков», куда мама часто приводила ее в детстве и где Эстелла играла среди нежилых комнат; там, как она подозревала, мама встречалась с месье Омоном. Однако при задернутых светомаскировочных шторах и затемненных фонарях невозможно было рассмотреть, есть ли кто-то внутри. Построенный не в стиле французского барокко и избегающий всякой симметрии и формы, дом вы-

делялся на фоне соседних зданий, подобно горбу – идешь, а он выныривает, будто из засады, в истинно готическом стиле. Островерхие башенки должны были напоминать Эстелле о сказочных дворцах, но вместо того она подумала о женщинах, которых заточили наверху, откуда невозможно сбежать.

Повинуясь внезапному порыву, Эстелла толкнула деревянную дверь, ведущую во внутренний двор. Скульптурные изваяния, символизировавшие четыре времени года, надменно взирали со стен дома; лишь обезглавленное Лето утратило свое могущество. Посыпанные гравием дорожки уже много лет не подметали и не разравнивали, но они по-прежнему сходились в форме звезды; каждый луч отделялся от других разросшейся живой изгородью, которая давно распространила побеги во всех направлениях. Мята, которую в свое время наверняка не выпускали за пределы аптекарского огорода, покачивала стеблями и наполняла воздух резким запахом опасности. И тут Эстелла услышала... Кто-то скребся о камень. Страх молнией пронесся вдоль ее позвоночника.

Она обернулась. Месье Омон, скорчившись, лежал у шаткой скамьи. От его одежды и тела исходил запах крови и ужа-са.

– *Mon Dieu!* – воскликнула она.

Он приподнялся – на рубашке растеклось темное пятно.

– Отнеси вот это, – зашептал месье Омон, протягивая ей небольшой сверток, – в театр Пале-Рояль. Пожалуйста. Ради

Парижа. Найди там *l'engoulevent*²⁰. Ему можно доверять.

– Где мама? – спросила Эстелла.

– Дома. В безопасности. Беги!

Он вновь осел на землю, и Эстелла наклонилась ближе. Как ему помочь? Она сумела прислонить несчастного к скамье. Его глаза умоляли.

– Беги, – хрипло повторил он. – Ради Парижа.

Что бы ни держала в руках Эстелла, это означало опасность. И все же для месье Омона вещь настолько важная, что из-за нее он ранен и теперь рискует, потому что на вопрос о маме ответил «в безопасности». Разве не всего лишь час назад Эстелла пела о своей любви к Парижу?.. Теперь же от нее требовалось кое-что сделать для города.

Месье Омон прикрыл глаза. Эстелла развернула сверток. Планы здания, напечатанные на шелке. Можно распихать их по карманам, намеренно вшитым под подкладку плаща, чтобы переносить платья в копировальную мастерскую. Правда, Эстелла будет слишком заметной в своем блестящем золотом платье и расшитом серебристым бисером плащем из черного бархата.

– Беги! – в третий раз прошептал месье Омон сквозь стиснутые зубы.

Наконец Эстелла кивнула. Теперь слова песни, которую она пела в клубе, обрели конкретный смысл: в ее город вторгся враг, и, возможно, выполнив то, о чем умоляет месье

²⁰ Козодой (птица) (*фр.*).

Омон, она сможет предотвратить еще большее посягательство на честь Парижа.

Глава 2

Эстелла торопливо выскочила на улицу. Карты шелестели в карманах, как чьи-то невнятные голоса, напомнив о передаваемых из уст в уста слухах: будто немцы сбрасывают с самолетов отравленные конфеты, чтобы дети подбирали их и болели; будто немцы переодеваются монахинями и шпионят за парижанами; будто по ночам в городе приземляются немецкие парашютисты. Она опасалась, что каждый прохожий может оказаться симпатизирующим фашистам членом пятой колонны, который помогает Германии и потому готов на все, лишь бы помешать ей добраться до театра и передать карты. И все же девушка спускалась вниз по рю Ботрейи, мимо старинных часов, ржавых, однако продолжающих идти и напоминающих парижанам, что, хотя их город бессмертен, к ним самим – и к ней в том числе – это не относится.

Затем, надеясь, что извилистый маршрут, который она выбрала, позволил городу укрыть ее и спрятать в складах улиц, Эстелла повернула направо, к Пале-Рояль. Наконец она увидела театр и теперь благодарила Бога за то, что ее платье достаточно нарядно и никому здесь не покажется неуместным.

Она поднялась по покрытой красным плюшевым ковром винтовой лестнице на верхний этаж и оказалась в уютном и роскошно обставленном холле – восхитительном при других

обстоятельствах, – который освещала огромная люстра, настолько яркая, что Эстелла прикрыла глаза ладонью. Украшенные фестонами красные бархатные занавески закрывали дверные проемы, которые, как она предположила, вели собственно в театр. Стены были оклеены темно-бордовыми обоями с золотистой окантовкой; все остальное тоже отделано под золото – люстра, перила балконов, карнизы, рамки фресок на потолке, барельеф в виде изящной арки над дверью в дальнем конце холла. Женщины в платьях от Шанель, Лелонг и сестер Калло небольшими группами сидели в низких креслах, обитых красным бархатом; мужчины смеялись, попивая коньяк и кальвадос. Эстелла знала, что по многим причинам светская жизнь не прекращалась, люди устраивали вечеринки и застолья, однако после увиденного сегодня очутиться в театре было для нее все равно что попасть на Луну или в любое другое место, настолько же удаленное от реальности – той реальности, в которой немецкая армия подступает к Парижу.

Раздались звуки фокстрота, и несколько пар решили потанцевать, хотя места было немного. Эстелла откинула капюшон, распустила по плечам длинные темные волосы и вошла в холл.

Как узнать, кто или что этот козодой? Она обежала взглядом женщин, затем мужчин, и, когда встретила глазами с одним из них, стоявшим в центре зала вместе с группой других, тот подмигнул ей с любопытством в манере, отличной

от похотливых взглядов, которыми девушку удостоили некоторые другие.

Довольно трусить и вести себя так, словно она здесь чужая! Эстелла храбро пересекла зал. Плащ развевался за спиной, платье закрывало дрожащие колени. Ей не пришлось протискиваться сквозь толпу; толпа сама раздалась и пропустила ее – уверенная осанка, скопированная у манекенщиц, которых Эстелла видела на модных показах, стала своего рода пропуском.

Оказавшись рядом с мужчиной, она поцеловала его в обе щеки, улыбнулась и громко произнесла:

– Здравствуй, дорогой!

Интонацию она тоже переняла у манекенщиц – таким голосом они пытались соблазнить мужей богатых клиенток, и зачастую успешно.

– Рад, что ты пришла, – пробормотал он в ответ, скользнув ладонью по ее талии. Он подыграл Эстелле, а значит, она не ошиблась.

– Я увлекаюсь орнитологией, – шепнула она. – Особенно одной птичкой... «козодой» называется.

Мужчина ничем не выдал своей заинтересованности.

– Потанцуем? – Он извинился перед собеседниками, взял ее за руку и повел на площадку, где пары кружились под музыку.

Он потянулся развязать тесемки плаща, однако Эстелла покачала головой. Не передавать же карты в руки театраль-

ного посетителя!

– Я бы предпочла его не снимать.

Она очутилась в руках мужчины, и тот закружил ее по залу. Проклятая музыка зазвучала медленнее, фокстрот сменился вальсом. Учитывая позднее время и то, что большинство посетителей театра были в состоянии опьянения, главным для них стало очутиться поближе к партнеру по танцу; Эстелла поняла, что неуместно оставаться с незнакомцем на расстоянии вытянутой руки. Когда мужчина шагнул ближе, она сделала то же самое, и они оказались лицом к лицу, соприкоснувшись телами. Крепкие мускулы, сильный загар – словно мужчина проводил на открытом воздухе больше времени, чем в помещении; карие глаза и почти такие же темные волосы, как у нее. А ведь он не француз, хотя и владеет языком в совершенстве; произношение безупречное, однако слишком заученное и слишком идеальное, чтобы быть родным.

Незнакомец ожидал, пока она что-нибудь скажет. Эстелла понимала: кровь на рубашке месье Омона и то, как он говорил, однозначно намекали – он и, возможно, мама ввязались во что-то намного более опасное, чем помощь беженцам на вокзале, и незнакомец был частью этого. Она не доверит ему ничего, кроме того, что велел месье Омон, которого она знала с детства.

– Полагаю, у меня для вас кое-что есть, – сказала она, перейдя на английский.

– Да кто вы, черт возьми? – удивленно спросил он, также по-английски, контролируя свою интонацию.

– Вы меня не знаете. – Эстелла вновь переключилась на французский.

– С конспирацией у вас не очень. – Он указал на платье, которое предназначалось для того, чтобы кружить головы, хотя сейчас это было последним, чего хотела Эстелла. – Кому есть что скрывать, не наденет такое платье.

Она услышала то, что он попытался скрыть, а именно усмешку.

– Ничего смешного здесь нет, – резко произнесла Эстелла. Последние крупницы отваги покидали ее. Она должна выполнить поручение, вернуться, чтобы помочь месье Омону – Боже, спаси его! – и наконец добраться до дома, надеясь, как никогда еще не надеялась, что с мамой все в порядке.

– Острый же у вас язычок.

– Потому что я в жуткой ярости, – отбрила его Эстелла. – Мне нужно повесить плащ в надежном месте. Посоветуйте что-нибудь.

– Выйдем на лестницу. Питер присмотрит за ним. – Все это время они танцевали, не убирая с лиц улыбки; никто, кроме них двоих, не подозревал, что дела обстоят не так, как кажется со стороны.

Эстелла кивнула, выпуталась из рук незнакомца и вышла из зала, развязывая тесемки. При этом она провела по шву слева и на мгновение задержала руку, надеясь, что, если

мужчина тот, кому нужно передать карты, за которые заплачено кровью, он заметит ее движение. Лишиться плаща не хотелось; ткань стоила ей месячной зарплаты. Но цена невелика, если это поможет месье Омону. И маме. И Парижу.

Эстелла передала плащ человеку, на которого указал незнакомец, и бросилась вниз по лестнице, отчаянно желая оказаться дома. Она зашагала по ночному городу, прочь от того, чего не хотела знать, что пугало ее и заставляло понять, что прежняя жизнь при швейной мастерской в Париже в окружении красивых вещей закончилась.

Кто-то коснулся ее руки. Эстелла подпрыгнула. Она не слышала шаги, но каким-то образом мужчина очутился рядом.

– Наденьте. – Он протянул ей черный пиджак. – Ночью в таком платье вы не доберетесь до дома живой. На плаще кровь. Ваша?

Он провел ладонью по ее щеке, и Эстелла отпрянула, однако догадалась по положению его руки, что он не собирается нападать на нее, наоборот, поступок вызван благородными намерениями – мужчина хочет проверить, не ранена ли она. Ее реакция заставила незнакомца убрать руку – настолько поспешно, будто он ее и не поднимал.

– Кровь не моя. Это кровь месье...

Он оборвал ее:

– Мне лучше не знать имя. Можете отвести меня к нему?
Эстелла кивнула, и незнакомец последовал за ней. Он яв-

но знал Париж так же хорошо, как и она – ни разу не спросил дорогу, шел быстро, как бы случайно держась рядом. Когда они, миновав пассаж Шарлемань, устремились в Деревню Сен-Поль²¹ и попали в непроходимый лабиринт выбеленных осыпающейся известью дворов, мужчина вопросительно посмотрел на Эстеллу.

Она заговорила – впервые после того, как они ушли из театра:

– Еще немного дальше. Кто вы?

– Для вас будет безопаснее не знать, – покачал он головой.

Шпион. Она должна была задать еще один вопрос, хотя и понимала, что здесь, укрывшись за стенами бывшей приходской деревни, он может выстрелить в нее, или ударить ножом, или что еще делают люди подобные ему с теми, кто перешел им дорогу.

– На чьей вы стороне?

– Я не поблагодарил вас, – проговорил он вместо ответа. –

Но эти бумаги помогут народу Франции в великом деле.

– И Британии? – Она старалась вытянуть больше информации.

– И всем союзникам.

Деревянные ворота дома на рю де Севинье возникли перед ними внезапно; Эстелла проскользнула во двор и резко остановилась, увидев на земле месье Омона.

²¹ Деревня Сен-Поль – исторический район Парижа, застраивался в XVI–XVIII веках.

Она метнулась вперед, но мужчина удержал ее.

– Я сделаю все, что смогу. Он заслужил достойных похорон, и он их получит. Обещаю.

Похороны... Боже, а как же?..

– Мама! – ойкнула Эстелла. Ее голосок был едва различим в глухой ночи погруженного в светомаскировку города.

– Идите к ней.

– А месье?

– Я о нем позабочусь.

Эстелла обернулась. Страх наконец сорвал с нее покров безрассудства, который она носила до сих пор. Она видела только мамино лицо, молясь, чтобы месье Омон в свои последние секунды сказал правду и мама действительно в безопасности.

– Бегите из Франции, если можете. И будьте осторожны.

Слова прошелестели сквозь воздух; расчетливый тон исчез, приняв почти заботливый оттенок, и Эстелла твердила это напутствие про себя всю дорогу к дому. *Мама, ты тоже будь осторожна. Я иду.*

* * *

Консьерж, к счастью, храпел в кресле, и Эстелле не пришлось оправдываться за свой перепуганный вид и мужской смокинг поверх платья. Она взбежала по винтовой лестнице на верхний этаж, прыгая через ступеньки. По телу прокати-

лась волна облегчения – мама сидела в темной кухне и пила кофе. Однако облегчение испарилось, когда Эстелла заметила, что мама очень бледна, а кофе выплескивается из чашки – так дрожат ее руки.

– Рассказывай! – крикнула Эстелла от двери.

– Я знаю очень мало, – прошептала мама. – Месье Омон, наверное, работал на англичан. Конкретно он мне не говорил. Ему было нельзя. Но у него много двоюродных братьев, сестер и племянников – в Бельгии, Швейцарии и Германии, разумеется, все евреи; он передавал дальше полученную от них информацию. Еврейский народ не любит нацистов, Эстелла. И месье Омон их не любил. И я тоже.

– И я не люблю. Но разве это значит, что ты должна рисковать жизнью?

– А как ты думаешь, что я должна делать? Ты их видела. Детей, которых мы помогали OSE²² переправлять из Германии во Францию... Мы могли разве что обнять их и накормить супом. Их лишили родителей, и только потому, что у тех другая религия. Если мы можем помочь, нельзя стоять в стороне.

Конечно, они помогали. Стоять в стороне и ничего не делать значило отречься от Парижа, отказаться от сострадания, согласиться с тем, чтобы мир захватили чудовища.

– Насколько ты в это вовлечена?

²² OSE (Oeuvre de secours aux enfants) – французская гуманитарная организация, помогавшая еврейским детям-беженцам.

Мама отпила глоток кофе.

– Немного. Всего лишь была доверенным лицом месье Омона. И помогала ему найти в толпе на Северном вокзале нужных людей. Одному человеку легко проглядеть красный шарф или зеленый берет. Потом он возвращался на вокзал и провожал меня домой, после того как выполнял задание. Но сегодня не вернулся.

– Он умер, мама.

– Умер? – Всего одно слово. Будто спустили петлю и ткань жизни распалась. Мама выставила вперед руку. – Не может быть...

– Я его видела. И передала несколько карт по его просьбе.

– Что? Что ты сделала?

Эстелла крепче сжала руку матери и рассказала ей, что случилось. Дом, кровь, театр, незнакомый мужчина, который обещал позаботиться о теле месье Омона.

– Думаю, он сдержит слово, – тихо сказала Эстелла.

– Теперь и ты замешана. – От ужаса лицо мамы лишилось всех красок. – Кругом шпионы. И кто знает, много ли времени осталось до того, как вермахт в полном составе будет здесь. – Мама набрала в грудь воздуха и выпрямилась. – Ты должна уехать из Франции.

– Никуда я не уеду.

– Уедешь. – В голосе мамы появились решительные нотки. – Тебе больше нельзя оставаться здесь. Если кто-то тебя видел сегодня вечером... – Она не договорила.

– Меня никто не видел.

– Если ты держала в руках карты, легко можешь кончить так же, как месье Омон. И в Париже ты так навсегда и останешься мидинеткой в мастерской, подобно мне. Я отправлю тебя в Нью-Йорк.

– Мне нравится быть мидинеткой в мастерской.

Нью-Йорк! Просто смешно.

– Не бывать тому. Посмотри на свое платье. Так шьют настоящие кутюрье. Война в самом разгаре. Скоро в Париже позабудут о моде.

– Что я буду делать в Нью-Йорке? – Эстелла старалась говорить непринужденно, как будто речь шла о шутке. Однако стоявшая перед глазами картина – тело месье Омона, распростертое на земле среди сорняков, и осознание того, как близко оказалась мама к опасности, заставили ее голос сорваться. – Я не хочу ехать одна.

– Придется. Месье... – Мама запнулась, ее глаза наполнились слезами. – Месье Омон попросил меня, еще несколько недель назад, взять на себя мастерскую, если с ним что-то случится. Наше ремесло умирает. Я должна не дать ему исчезнуть, должна сдержать обещание. И я сегодня не прикасалась к этим картам. А вот ты...

– Мне ничто не угрожает. – Она вспомнила слова незнакомца, сказанные ей в последний момент: *«Бегите из Франции, если можете»*.

– Месье Омон тоже так считал.

Эстелла встала и нашла в буфете бутылку портвейна. Налила по бокалу себе и Жанне и мгновенно осушила свой, не в силах представить себе жизнь без мамы. Кто, как не она, разрешила ей сесть за швейную машинку в пять лет? Кто, как не она, приносила домой лоскутки ткани, чтобы Эстелла могла сшить еще больше фантастической одежды для своей тряпичной куклы? Кто, как не она, позволяла дочери по выходным и по вечерам, когда приходилось работать допоздна, сидеть у своих ног под столом и творить собственные версии цветков из обрезков материала?

Они все делали вместе, Эстелла и мама. Каждую субботу шли на рынок Лез-Аль и покупали еду на неделю. Каждое воскресенье молились в церкви Сен-Поль-Сен-Луи. Лежали бок о бок на единственной кровати, порой обсуждая, как Эстелла, Рене и Ютт развлекались в La Belle Chance, а порой засыпая мертвым сном, потому что Эстелла допоздна рисовала эскизы. У них никого не было, кроме друг друга. Никогда.

Иногда Эстелле хотелось иметь сестру, чтобы даже после ухода матери чувствовать, что у нее, к счастью, есть семья. Но это желание неосуществимо. Когда Жанна – не дай бог! – умрет, Эстелла останется одна. А отсутствие отца было единственной темой, которую мама никогда не обсуждала – кроме того факта, что он погиб в Мировую войну.

Эстелла вновь села и взяла маму за руку, ища поддержки. – Корабли не выходят в море, – решительно возразила

она. – Разве что пробраться в Геную... Но это невозможно.

– На прошлой неделе американский посол дал объявление в «Ле матен», в котором призвал всех граждан США немедленно отправляться в Бордо, где их будет ждать последний пароход до Нью-Йорка.

– Я гражданка Франции. Что мне с того?

Мама резко встала и пересекла маленькую квартирку, из которой большинство людей в здравом уме были бы рады сбежать: шестой этаж, ни водопровода, ни лифта, крошечные комнаты – одна спальня, кухня и она же столовая, стол в которой использовали чаще для шитья, чем для еды, оставшееся место занимает диван. Никаких красивых безделушек, лишь самое необходимое: чашки, тарелки, кастрюли, одежда и, конечно, швейная машинка. Однако это все, что они могли позволить себе на жалованье мидинеток.

Жанна достала свою *boîte à couture*²³, старинную коробочку из букового дерева, – самую красивую в их жилище вещь. Литография на крышке изображала несколько диких ирисов, колышущихся на сильном ветру. Эстелле всегда казалось, что стебли изгибаются в танце и символизируют скорее непокорность, чем слабость и согласие подчиниться воле урагана. Мама открыла коробку, вынула иглы, серебряный наперсток, катушки ниток и тяжелые ножницы. На самом дне она нашла документ и протянула его Эстелле.

– У тебя есть американский паспорт.

²³ Коробка для швейных принадлежностей (*фр.*).

– Что? – переспросила Эстелла.

– У тебя есть американский паспорт, – настойчиво повторила Жанна.

– Сколько ты заплатила за него? Кто поверит фальшивым документам, особенно сейчас?

– Паспорт подлинный.

Эстелла протерла глаза.

– Откуда у меня мог взяться американский паспорт?

Пауза длилась бесконечно. Когда мама наконец заговорила, Эстелла едва ли не физически ощутила, как некая струна натянулась и затем оборвалась.

– Твой отец был американцем, и ты родилась там.

– Мой отец – французский солдат, – упорно твердила Эстелла.

– Это не так.

На комнату, как тяжелая джутовая завеса, опустилось молчание, мешая вдохнуть. Теперь пришла очередь мамы осушить до дна свой бокал.

– Однажды я ездила в Нью-Йорк, – наконец сказала Жанна, – и там родила тебя. Я никогда не собиралась говорить об этом, но сейчас самое главное – твоя безопасность.

Эстелла развернула бумаги и прочитала свое имя. Документы подтверждали мамины слова.

– Но как?

По маминым щекам покатались слезы.

– Мне больно рассказывать.

– Мама! – воскликнула Эстелла, напуганная видом плачущей матери. – Прости меня. Я всего лишь пытаюсь понять.

– Сейчас не до этого. Тебе нужно уехать из Парижа. Посольство организовало последний, дополнительный поезд, он отправляется завтра. На прошлой неделе я ходила в посольство и все выяснила. На всякий случай. Тогда я не решилась признаться. Боялась потерять тебя. А вот теперь придется.

– Разве я смогу тебя бросить? – Голос Эстеллы срывался. Она не представляла себе, как сядет в поезд, полный американцев, и проедет через охваченную войной страну, чтобы попасть в Бордо, взойти на пароход как гражданка США и отправиться в Нью-Йорк. Одна, без мамы.

– Ты сможешь. И ты уедешь.

Вместо ответа Эстелла разрыдалась.

– Милая, – прошептала мама и крепко обняла дочь, прижав ее голову к своей груди. – Не плачь. Если ты плачешь, я тоже заплачу. И больше не остановлюсь.

Мама произнесла эти слова с таким безысходным отчаянием, что Эстелла лишилась самообладания и не послушалась. Наоборот, она зарыдала так, как никогда прежде не рыдала, представив маму одну в мастерской, одну в квартире, одну на их общей кровати. Неизвестно, сколько лет они проведут в разлуке, прежде чем смогут увидеться вновь, и смогут ли вообще?

Глава 3

Утро началось с завывания над Парижем пикирующих бомбардировщиков – они сбрасывали бомбы на расположенный неподалеку завод «Ситроен». Эстелла понимала: как бы она ни надеялась, что мама передумает, бомбежка лишь укрепит ее в намерении заставить дочь уехать из страны.

Проведя мучительное утро в тесном бомбоубежище, Эстелла с мамой молча заторопились на вокзал Аустерлиц. Небо, еще недавно по-летнему ясное, заволокло дымом, в воздухе висели гарь и копоть.

– Надеюсь, поезд придержат, – тихо повторяла мама, а Эстелла надеялась на обратное: что во время бомбежки поезд каким-то образом сумел отправиться по расписанию и у нее нет иного выбора, кроме как остаться с матерью в Париже.

Ночью никто не постучался в дверь. Никто ее не разыскивал. Ведь молодая девушка, которая знает так мало, не должна привлечь чье-либо внимание, не правда ли? Однако следом Эстелла вспомнила о предупреждении незнакомца: бегите! А вдруг, оставшись дома, она навлечет опасность на маму? От этой мысли она содрогнулась и теперь старалась не отставать от Жанны; чемодан и швейная машинка уже набили ей синяки на ногах. Большую часть места в чемодане заняла мамина коробка со швейными принадлежностями. Жанна настояла, чтобы Эстелла взяла ее и швейную машинку.

ку с собой. Дочь не могла представить, как мама будет жить без этих двух вещей. Однако еще больше она не могла вынести боль в глазах матери, когда попыталась отказаться от подарков. Так что взяла их в знак благодарности, чтобы иметь при себе два драгоценных предмета, которые будут напоминать о маме всякий раз, когда доведется ими пользоваться.

Вокзал Аустерлиц был настолько переполнен, что они едва смогли пробиться сквозь толпу. Утренняя бомбардировка вызвала ужас, распространившийся по городу, подобно пожару. После того как две сотни немецких самолетов сбросили множество бомб так близко к жилым домам, мало кто из парижан хотел остаться и увидеть, чем закончится очередной налет. Пол усеивали брошенные чемоданы, предметы мебели, другие вещи, которые невозможно было втиснуть в поезд – осколки ваз и торшеров, плюшевые мишки с оторванными лапами, разбитые напольные часы.

Было жарко, очень жарко; пот струился по спине Эстеллы, одетой всего лишь в легкое летнее платье. Она жадно глотала воздух, но близость множества тел и летний зной тут же отбирали его.

Эстелла вдыхала отчаяние, сочившееся из пор; отчетливее всего оно проявлялось, когда грудных детей передавали над головами и укладывали на столы для багажа, чтобы тех не раздавили в толпе – оттуда матери собирались их взять, добравшись до платформы. Однако некоторые матери, увидев, как поезд отправляется, садились в дальние вагоны, ду-

мая, что детей уже погрузили, и слишком поздно понимали – младенцы остались на перроне. Эстелла видела, как женщины колотили руками по стеклам и открывали рты в беззвучном крике. Кто теперь позаботится о младенцах? Она сжала руку матери.

– Сюда, – сказала Жанна, протискиваясь к наименее переполненной платформе и старательно отводя глаза от женщин, потерявших своих детей.

Когда они приблизились к поезду, специально выделенному для граждан США, Эстелла почувствовала себя виноватой. Она самозванка; что в ней есть американского, кроме акцента? Да и тот усвоила случайно, потому что брала уроки английского у американца. Поезд был заполнен, однако не настолько сильно, как все другие составы, где люди занимали даже туалеты, чтобы в вагоны вместились больше пассажиров. Здесь стены платформы не покрывали сотни надписей мелом, которые люди оставляли своим близким, чтобы дать знать, где их искать. У счастливых из всех возможных направлений было лишь одно: Америка. Здесь не оставалось брошенных детей.

Здесь были мужчины в элегантных костюмах и начищенных ботинках, некоторые с женами – в легких летних платьях, шляпках, перчатках и туфлях-лодочках. А вот францужены на соседней платформе напяливали на себя по три платья, пальто, свитера – все, что не уместилось в чемоданы.

Как-то слишком быстро Эстелла добралась до проверяв-

шего документы человека. Она протянула ему паспорт и сжала мамину руку.

– Пожалуйста, расскажи о моем отце.

Жанна решительно покачала головой.

– Сейчас не время. Будь умницей, милая. – Она поцеловала дочь в щеку.

Эстелла повисла у матери на руке и слабо улыбнулась.

– Я всегда умница.

– Ты, как всегда, не слушаешься, – в шутку проворчала мама. – Обещай, что не изменишься. Всегда оставайся такой, как сейчас.

У Эстеллы перехватило горло, и она не смогла произнести нужных слов. *Спасибо. Никогда, никогда тебя не забуду. Будь осторожна.* На мамину блузку скатилось несколько слезинок.

– Пора, – поторопила мама и отступила на шаг, легонько подталкивая дочь к поезду – как ребенка, который отказывается идти в школу.

– Я люблю тебя, мама. – Эстелла наконец сумела справиться с собой. – Вот, возьми. – Она протянула Жанне пакет с блузкой из остатков золотого шелка, которую шила всю ночь. – Надевай ее, когда будешь грустить.

– Иди. – Эстелла еще не видела такого выражения на мамином лице. С Жанны словно сорвали маску спокойствия, обнажив все, что раньше было скрыто: любовь к дочери и одновременно безысходный страх.

Эстелла заставила себя войти в вагон. Она перегнулась через мужчину – тот крикнул ей: «Осторожнее!» – и различила сквозь стекло, как платформа двинулась назад, унося с собой маму. Только теперь Эстелла поняла, что видит ее последние секунды. Жанна повернулась к поезду, обшаривая глазами вагоны, послала воздушный поцелуй и прижала к сердцу ее блузку, последнее воспоминание о дочери. И все, она исчезла.

Эстелла вытерла глаза и села на свое место, все еще проигрывая в памяти мамин образ. Она молилась, чтобы благополучно доехать до Бордо, по-прежнему опасаясь, не развернут ли ее там. Невозможно поверить в то, что сказала мама в последнюю ночь. Неужели ее отец – американец и она родилась в Америке?

Однако как только поезд выехал за город, Эстелле стало не до загадок собственной жизни. Увиденное потрясло ее. Тысячи женщин, одетых в брюки, гордо шагали вдоль путей. Они отказались от платьев, не подходящих для путешествия, в которое они пустились, и повязали волосы косынками в патриотических цветах – красном, белом и синем. Высокие тополя вдоль дороги словно копировали женщин с их гордой осанкой; длинные тени деревьев, казалось, указывали путь туда, где люди найдут пристанище. Но по мере того как поезд удалялся от Парижа, а желанное убежище не спешило материализоваться, Эстелла стала различать на лицах отчаяние – большее, чем у нее, и гораздо большее, чем она могла

себе представить.

Все разговоры умолкли, когда поезд нагнал гигантскую колонну изнеможенных людей, уже много дней идущих пешком из Бельгии, с севера Франции и из самого Парижа. Женщина с кошкой, ребенок с птичьей клеткой, старик, толкавший впереди себя тележку с кучей малышей, детская коляска с больной старухой, девочка, сжимавшая в руках куклу, чемоданы, кастрюли, домашние животные, узлы, одеяла... В основном это были женщины и дети, мужчины попадались редко. Некоторые ехали на велосипедах, но большая часть людей шла пешком. Машины с пристегнутыми к крышам тюфяками для защиты от бомб не могли пробиться сквозь толпу. Запряженные лошадьми подводы пытались объехать колонну. Фургоны и грузовики непрерывно сигналили; они были настолько перегружены, что Эстелла удивлялась, как у них еще не вылетели стекла.

Когда поезд ускорил ход, Эстелла увидела лежащие у самой дороги тела. Эти люди не двигались. Старики, которые не смогли идти так долго, питаясь скудной пищей. Она вновь принялась плакать, обхватив себя руками. Она не видела этого раньше, иначе не смогла бы вчера надеть золотое платье и веселиться. Еще совсем недавно Эстелла наблюдала, как витражи Сен-Шапель заворачивали в парусину и уносили на хранение. Тогда она пришла в ужас от догадки – значит, правительство полагает, что Париж начнут бомбить, – и в то же время обрадовалась; ведь красоту ее города сбере-

гут. Теперь Эстелла видела в этом напрасную трату сил: если правительство знало о грядущих бомбежках, то почему они не взяли людей, не завернули в парусину и не спасли вместо неживого стекла?

* * *

Пароход «Вашингтон» был увешан таким количеством американских флагов, что выглядел как необычная реклама страны, да, по сути, именно рекламой и являлся; флаги предназначались для того, чтобы никто не усомнился – это не военный корабль, его нельзя обстреливать или торпедировать, а нужно позволить ему добраться до Америки невредимым, не разделив судьбу многих других затонувших с начала войны судов. Эстелла взошла на палубу с открытым от удивления ртом, не в состоянии постичь, как нашлось время, чтобы при помощи кранов погрузить на борт автомобили богатых людей, позволить им увезти с собой из Франции то, без чего они не могут жить. А вот она оставила в Париже самое ценное – маму.

Судно оказалось заполнено лишь наполовину, что вновь удивило Эстеллу – неужели нельзя взять некоторых из отчаявшихся людей, которые наводнили Францию, пусть даже без документов? – однако затем выяснилось: они поплывут в Лиссабон, где подберут тех, кто не успел попасть на борт в Бордо. Теперь пароход был забит; раскладные кой-

ки поставили в главном салоне, в библиотеке, во дворике, называвшемся «Палм-Корт»; даже в бассейне спустили воду и оборудовали там спальные места. Несмотря на перегруженность, на корабле было тихо, словно вместо людей там обитали призраки, видимые, но безмолвные. На лицах читались невысказанные страх и тревога, особенно после того, как всем приказали на ночь класть под подушку спасательные жилеты. Каждый день приходили сообщения о новых потерях. Немецкие войска ломались в двери Парижа. Правительство уваливало от ответа, а затем тоже сбежало. Париж был усеян пеплом от сожженных бумаг – министерства уничтожали документы, чтобы те не попали в руки врага.

Рано утром одиннадцатого июня, когда пароход шел из Лиссабона в Голуэй, чтобы взять новых пассажиров, Эстелла решила выйти на палубу в неурочный час – ей не спалось. За пределами парохода царил темнота, однако там, где стояла Эстелла, небо казалось подсвеченным – американские флаги усиленно освещали прожекторами, хотя это скорее привлекало внимание, чем позволяло судну проскользнуть незамеченным. Эстелла и сама сияла в своем золотом платье, которое надела, представляя, что вместо шелка ее обнимают мамины руки. Она закрыла глаза и вообразила маму в подаренной блузке. Так рулон шелка соединил их через океан.

В памяти звучали последние мамины слова: «Всегда оставайся такой, как сейчас». Только вот кто она теперь – без дома, без работы, без семьи, да еще и со лживым выдуманым

прошлым?

Она ощутила рядом чье-то присутствие.

– «Лаки Страйк?» – произнес мужской голос.

– Откуда у вас американские сигареты? – спросила Эстелла. Мужчина с волосами песочного цвета и янтарными глазами дружески улыбался ей, внушая что угодно, только не опасения. Она взяла сигарету и с благодарностью затянулась.

– Мои родители в прошлом году привезли с собой во Францию несколько коробок. Хотя мы все много курим, сигареты еще не закончились.

– Они не знали, что у нас во Франции тоже есть сигареты?

– Вы француженка?

– Да, – с гордостью заявила Эстелла. – Но родилась в Америке.

Слова выстрелили, подобно сигнальной ракете в ночи – дерзко и угрожающе.

– Тогда вас, вероятно, заденет, если я скажу, что, по мнению моих родителей, курить «Голуаз» – все равно что курить землю.

– Зато курить ваши сигареты – все равно что курить воздух, – парировала она, слегка улыбнувшись.

Мужчина прижал руку к сердцу, как будто зажимал рану. Он признал себя побежденным.

– Вы считаете, французы храбрее нас?

– Нам приходится быть смелыми. В Америку никто не вторгался. – Эстелла стряхнула пепел за борт, в темную воду,

где таились бог знает какие ужасы: подводные лодки, торпеды... Об айсбергах никто больше и не задумывался.

– Кстати, меня зовут Сэм. И я прошу прощения.

– Эстелла. Вы ни в чем не виноваты, разве что тоже собираетесь штурмовать Париж. А что вы делали во Франции?

– Мой отец – врач, мама – медсестра. Они работали в Красном Кресте, а теперь уезжают.

– Разве сейчас люди не нуждаются в Красном Кресте больше, чем когда-либо?

– Да, но мама больна. Несколько недель назад получила ранение. Один солдат в госпитале случайно выстрелил из винтовки, началась инфекция.

– Она поправится? – Эстелла спохватилась, что и у других людей есть матери, о которых они переживают.

– С ней все будет хорошо. Отец тоже чувствует себя не в своей тарелке. Как будто сбегает. Но, по-моему, на самом деле он рад поводу уехать. Если бы не мамина болезнь, мне тоже пришлось бы остаться.

– Вы тоже врач?

– Нет. – Он помедлил. – Вы будете смеяться.

– Тогда говорите. В наше время смех – самая нужная вещь.

Сэм улыбнулся:

– Тогда ладно. Ради того чтобы рассмешить вас, сознаюсь. Чтобы поехать с родителями во Францию, я отучился год на медицинском факультете, однако работал закрышкой

в доме высокой моды. А причина, по которой я заговорил с вами, проста: я пытаюсь угадать, кто сконструировал ваше платье. Покрой похож на Вионне, однако современный, в стиле Маккарделл. Кто бы ни был этот модельер, я не прочь с ним поработать.

– Маккарделл?

– Клэр Маккарделл. Американский модельер.

– Так вот, она здесь ни при чем. Платье сконструировала я сама.

Сэм присвистнул:

– Где вы научились такому?

– Меня учила шить мама. Я почти всю жизнь провела в швейной мастерской, делала искусственные цветы. Потом год посещала парижский филиал нью-йоркской «Новой школы». А когда он закрылся, начала по выходным ходить на рынок Карро-дю-Тампль, покупала все, что могла себе позволить из секонд-хенда. Приносила домой, распарывала швы и вновь прострачивала, чтобы видеть, как пошита одежда. А на следующей неделе обменивала на другую, и так далее.

– Тогда вы поймете меня, когда я скажу, что мне проще кроить ткань, чем резать людей скальпелем. Держите. – Он подал ей другую сигарету, потому что первую, единственную за много дней, она выкурила моментально.

– И как же студент-медик стал закройщиком в доме моды?

– Моя мама, как и ваша, всегда была хорошей портнихой. Я единственный ребенок и помогал ей в детстве. Родители

постоянно лечили не очень богатых пациентов с Манхэттена, делали им процедуры, и я часто играл в прихожих итальянских и еврейских портных и польских закройщиков. Там и нахвтался. А когда все мужчины в Париже ушли воевать, освободились рабочие места. Как раз для меня.

– Наверное, вы хороший закройщик, если получили работу в доме высокой моды, – сказала Эстелла. В этот момент ночное небо прорезала вспышка света.

– Что за черт? – воскликнул Сэм.

– Не знаю. – Эстеллу охватил страх.

Двигатели судна заглушили. Внезапно опустившаяся тишина, нарушаемая только плеском волн о борта, казалась страшнее любого шума. Водонепроницаемые люки задрайли, взвыла сирена. Затем объявили: всем пассажирам погрузиться в спасательные шлюпки.

– Что происходит? – спросила Эстелла, не ожидая ответа. Она припомнила корабли, подорванные немцами за последний год.

– Немцы, – подтвердил Сэм.

Ну вот и все, подумала Эстелла. Посреди океана, окруженная черной водой и еще более черной ночью. Одна, без мамы. Ни одной знакомой души рядом, только Сэм, молодой человек, с которым она всего-то выкурила вместе по паре сигарет.

Как это произойдет? Она вцепилась в сигарету так крепко, что не смогла втянуть в себя дым. Будет взрыв? Или бомба

неслышно проскользнет под водой, подобно акуле, и ударит по кораблю в тот миг, когда люди меньше всего этого ждут, и они не осознают, что умирают? Черт бы побрал того темноволосого мужчину из театра Пале-Рояль! Если бы не он, она не оказалась бы здесь.

«Я люблю тебя, мама», – мысленно проговорила она.

– Идемте со мной, – позвал ее Сэм.

– Вам лучше пойти к родителям. Я справлюсь.

Эстелла старалась выглядеть спокойной, словно очутиться на пароходе, который вот-вот торпедируют, еще не самое страшное, что когда-либо с ней случилось. Она затянулась сигаретой для храбрости. Вокруг толпились пассажиры; офицеры кричали в мегафоны, что «Вашингтон» попал под прицел немецкой подводной лодки.

– Сделайте мне одолжение, – сказал Сэм. – Первыми в шлюпки должны сесть женщины и дети. Мама на грани истерики, а ни отцу, ни мне не разрешат быть рядом. Может, вы присмотрите за ней вместо меня?

Эстелла подозревала, что Сэм преувеличил нервозность матери, однако все равно была рада.

– Хорошо, – ответила она и двинулась за Сэмом. Он протискивался сквозь толпу на палубе, разыскивая своих родных.

Мать Сэма как раз сажали в шлюпку против ее воли.

– Сэм, – воскликнул отец, – слава богу!

– Это Эстелла, – сказал Сэм матери. – Она составит тебе

компанию, пока мы снова не будем вместе.

– Сэмми. – Мама поцеловала сына в щеку. – Я виновата.

– В чем? – озадаченно нахмурился Сэм.

– В том, что не позволяла тебе заниматься тем, чем ты хочешь. Знай, что если...

Если мы выживем.

– Ловлю на слове, – сказал Сэм и повернулся к Эстелле: – Я буду высматривать тебя в шлюпке.

Слова побудили ее к действию.

– Конечно, – решительно ответила она. Потому что единственным, за что можно держаться, оставалась надежда, какой бы мимолетной и ускользающей та ни была. Эстелла не позволит немцам отобрать у нее и надежду, подобно тому как ее отобрали у людей, чьи тела лежали вдоль железной дороги. Она села рядом с матерью Сэма.

Спуск на воду проходил спокойно и организованно, чего Эстелла не ожидала. Никто не кричал и не вопил, вообще мало кто плакал – возможно, потому, что все произошедшее с людьми за последнюю неделю было уже за пределами страха; они слишком многое видели и потеряли способность к нормальной человеческой реакции. Во всяком случае, Эстелла чувствовала себя именно так, когда услышала от членов команды, что немцы дали им десять минут на эвакуацию с парохода, то есть предоставили шанс выжить, болтаясь на волнах где-то посреди открытого моря в надежде, что кто-нибудь их спасет.

Эстелла взяла руку матери Сэма и стиснула ее. То же самое она сделала бы для своей мамы. Женщина выглядела так, словно в любой момент может раствориться, превратиться в ничто – спина сторблена, плечи опущены, голова вжата в плечи.

– Спасибо, милая.

Другой рукой женщина вцепилась в вырез своего платья, отделанный серебристыми пайетками и розовым бисером. Эстелла узнала превосходную копию модели «Циклон» от Ланвен: знаменитое вечернее платье с двухуровневым вихревым подолом из серой шелковой тафты, предназначенное для бала, а не для спасательной шлюпки посреди Атлантики, в которую целится немецкая подлодка.

– Наверное, ты сочтешь меня немного сумасшедшей или крайне легкомысленной, раз я вырядилась в вечернее платье при таких обстоятельствах, – извиняющимся тоном произнесла она, перехватив взгляд Эстеллы. – Отец Сэма так и подумал. Устроил нагоняй, когда я его надела.

Она слегка расстегнула пальто, и Эстелла увидела боковой карман с декоративной отделкой; чернильного цвета ткань была темна, как окружавшая их ночь, и в то же время блистала, подобно надежде.

Эстелла указала на свое платье:

– Что ж, значит, я тоже сумасшедшая.

– Это платье придает мне смелости. – Мать Сэма выпрямилась и расправила плечи. – Стоит только его примерить,

как я ощущаю себя своей улучшенной версией. Пусть на один вечер, но становлюсь той женщиной, какой всегда хотела быть. Хотя вряд ли ты поймешь...

Эстелла ощутила слезинки в уголках глаз.

– Я вас всецело понимаю, – ответила она хриплым от волнения голосом.

Она действительно понимала. Подобно тому как нарядная одежда придала мужество матери Сэма перед лицом немецкой подлодки, девять дней назад Эстеллу преобразило платье из золотого шелка, сделав ее женщиной, которая думает о всеобщем благе больше, чем о себе, и готова выполнить бессмысленное поручение и встретиться в театре с незнакомцем, потому что человек, которому она доверяет, сказал, что так надо. А чуть раньше Эстелла стояла на палубе, и платье утешило ее, напомнив о матери, которая прижимала к груди блузку взамен дочери.

Кусок ткани оказался способен на многое. На большее, чем просто ткань, нити и фасон.

Зависнув над черной бездной океана в шлюпках, закрепленных по бортам корабля и готовых спуститься на воду, в нескольких шагах от смерти Эстелла поклялась себе: если выживет, то пойдет за своей мечтой и не сдастся. Она не может воевать и помогать Парижу, однако может создавать одежду и тем самым позволять женщинам чувствовать себя сильными, уверенными и более смелыми – ведь именно это им нужно, чтобы пережить черные времена.

Мысли проносились у нее в голове, а тем временем на небе проступил лучик рассвета, затем другой, словно где-то раскрывалась золотая ладонь. Это, как ни странно, подняло настроение. Эстелла услышала, как запустились и взревели двигатели судна, а затем ощутила толчок – судно сдвинулось в направлении к солнцу, словно там находился рай, обещавший всем им спасение.

– Что происходит? – спросила мать Сэма.

– Не знаю, – ответила Эстелла. – Возможно, мы в безопасности.

– Неужели?

– Да. – Она хотела этому верить.

Вскоре объявили, что они действительно в безопасности. Капитан подлодки вначале принял их за другое судно, но теперь позволил плыть дальше. Однако пассажиры должны на всякий случай оставаться пока в шлюпках. Объявление встретили оглушительными возгласами. Все, даже незнакомые, принялись обнимать друг друга. Казалось, само солнце поднимается выше на волнах всеобщего ликования.

Пароход направился прямо на восходящее солнце. Эстелла прикрыла глаза от яркого света и чуть сдвинулась, чтобы защитить и маму Сэма.

– Кстати, меня зовут Кларисса. – Женщина отпустила свое платье, с облегчением разжав пальцы. – Кажется, нас официально не представили.

– Эстелла. Рада, что мы познакомились.

– Все лучше, чем очутиться на дне океана. Где же Сэм?

Эстелла оглядела шлюпки по другому борту, заметила Сэма и указала на него.

– Как думаешь, долго еще нам здесь оставаться? – заерзала Кларисса.

Эстелла вспомнила, как Сэм рассказывал о болезни матери.

– Надеюсь, не очень. Я не испытываю желания спать здесь десять дней. – Она решила отвлечь Клариссу. – Хотя раскладная койка в почтовом отделении ненамного удобнее.

– Почему ты не в каюте?

– Места не хватило, – пожала плечами Эстелла. – Я же не одна здесь такая.

– Я настаиваю, чтобы ты жила в моей каюте. А Джордж, мой муж, переберется к Сэму.

– Меня устраивает мое место, – запротестовала Эстелла.

– Койка в почтовом отделении – неподходящее место для одинокой женщины. С тобой там может случиться все что угодно.

Эстелла не смогла удержаться от улыбки:

– Мы висим в шлюпке за бортом корабля посреди океана, где-то рядом плавает немецкая подлодка, а вы беспокоитесь, что мне придется спать в почтовом отделении?

Кларисса тоже улыбнулась:

– А знаешь, с тобой мне будет весело. Джордж большую часть времени кого-нибудь лечит и отказывается от помощи;

говорит, я должна отдыхать и восстанавливаться. А Сэм вечно где-то пропадает и очень много курит. Лежать одной в каюте и переживать не очень-то способствует выздоровлению. Я бы не прочь завести компанию.

Корабль развернулся, солнце теперь падало сбоку, и пассажиры расслабились; чувство общности, возникшее под прицелом подлодки, схлынуло, подобно морской пене. Наконец корабль остановился; всем разрешили покинуть шлюпки и размять ноги на палубе.

Сэм и его отец поспешили к Клариссе и чуть не задушили ее в объятиях. Эстелла отвернулась, словно это могло помочь ей не так остро ощущать разлуку с мамой. Она слышала, как Кларисса сообщила своим мужчинам новые правила размещения в каютах, и ожидала от них возражения, однако Сэм лишь улыбнулся и сказал:

– Отлично. В следующий раз будет легче отыскать тебя, если захочется с кем-нибудь покурить в пять утра.

– Ты точно уверен, что не возражаешь?

– Я? Возражаю? Боже, конечно, нет. Больше меня не заставишь читать вслух «Унесенных ветром», чтобы мама не вставала с постели. Теперь уже я смогу сказать: «Мне на это наплевать!»²⁴

Эстелла понимающе рассмеялась, и они вместе отправились забирать ее чемодан и швейную машинку из почтового

²⁴ Слова, сказанные Реттом Батлером при расставании со Скарлетт в последней главе «Унесенных ветром» М. Митчелл.

отделения.

– Как считаешь, твоя мама сдержит свое обещание, когда мы окажемся на Большой земле? – спросила Эстелла, вспомнив, как Кларисса поклялась позволить сыну заниматься тем, чем он хочет, если они выживут.

– Я не дам ей забыть, – ухмыльнулся Сэм.

– Для тебя найдется работа в Америке?

– Больше чем надо. Война отрезала нас от Парижа, и наконец пробил час для американской моды.

– Я не подумала, – протянула Эстелла. Разумеется, Сэм прав. В следующем сезоне американцы не смогут поехать в Париж и пополнить гардероб, и скопированные эскизы через океан никто не повезет; этот рейс из Европы последний. Америка оторвана от влияния парижской моды.

– А как насчет тебя? У самой-то работа есть?

– Нет. – Эстелла помедлила, затем решила не утаивать правду. Она рассказала Сэму о своем опыте копирования, о том, как получала полтора доллара за эскиз в каждом сезоне, передавая их американским покупателям, которые посылали их в Нью-Йорк, где шили «подлинные» копии Шанель. – Так что я знакома кое с кем в Нью-Йорке. С покупателями и производителями. Для начала разузнаю, найдется ли у них работа.

– Я тоже могу помочь, – с готовностью предложил Сэм. – Начни с Седьмой авеню. Там огромный рынок копий. Они готовы скопировать твою бабушку, если решат, что ее будут

носить. «Швейный квартал», так их еще называют. На Седьмой авеню лучше работать как можно ближе к номеру пятьсот пятьдесят, но уж точно не дальше четырехсот пятидесятого. И если твое золотое платье показывает, на что ты способна, то почему бы в один прекрасный день тебе не открыть собственное ателье?

Эстелла улыбнулась. Как хочется надеяться, что эта фантазия станет реальностью!

Глава 4

В порту Голуэй на борт поднялась еще почти тысяча человек; корабль был вдвое перегружен пассажирами. Так или иначе, всем пришлось потесниться. Эстелла и Кларисса разделили каюту с двумя пожилыми женщинами, которые заняли кровати, и теперь Кларисса спала на раскладной койке, а Эстелла на полу. До них дошли новости, что Париж пал без единого выстрела. Эстелла поверила с трудом и вообще не поняла, как такое могло случиться.

Каждый день она читала Клариссе «Унесенных ветром». Книга ей в основном нравилась, хотя Скарлетт и пришлось пошить платье из штор. По ночам Эстелла вскакивала, через океан почувствовав рядом с собой маму, и никого не находила. Она задумывалась о том, что происходит в мастерской, где работали много евреев, и молилась, чтобы в Париже не случилось своей Хрустальной ночи. Она курила сигареты Сэма и просила его рассказать как можно больше об индустрии моды в Нью-Йорке. Вот только знал он не так много, поскольку не мог беспрепятственно удовлетворять свою страсть в годы до отъезда с родителями во Францию.

Вместе с Сэмом она впервые услышала выступление Шарля де Голля по радио из Лондона. Те самые слова, произнести которые не решилось малодушное французское правительство и от которых по щекам Эстеллы покатались непро-

шенные слезы: «...разве последнее слово уже сказано? Разве надежда должна исчезнуть? Разве это поражение окончательное? Нет! <...> Что бы ни случилось, пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет».

Нашелся человек, который не опустил руки. Который дал французскому народу – всем, кто вместе с Эстеллой оплакивал свою страну, – точку опоры. Который поможет маме. Она разрыдалась. Сэм ласково приобнял ее за плечо, молча позволяя впитывать в себя слова де Голля, позволяя пламени в сердце разгореться чуть ярче.

Наконец она успокоилась достаточно, чтобы сказать Сэму:

– Ты настоящий друг.

– Рад слышать. – Он отпустил ее плечи.

Спустя три дня впереди неожиданно и величественно возник Нью-Йорк. Пассажиры расплакались – так же, как плакала Эстелла, слушая де Голля. Она схватила Сэма за руку и потащила вперед, к носу корабля, откуда открывался лучший вид. Второпях Эстелла забыла как следует закрепить свою шляпку; ветер сорвал ее и зашвырнул в гавань. Перышко из бирюзового шелка несколько секунд грациозно порхало над волнами, прежде чем исчезнуть в кильватере судна.

– Крыши над головой нет, так теперь и без шляпки осталась, – пошутила Эстелла и, вцепившись обеими руками в ограждение, свесилась за борт, далеко как смогла.

– Ты свалишься! – засмеялся Сэм и потянул ее обратно.

Она сопротивлялась и снова рвалась вперед. Вот бы коснуть-

ся воды, окружающей новый город!

– Это Эмпайр-стейт-билдинг? – Эстелла указала на остроконечную иглу, которая не имела ничего общего с собором Парижской Богоматери в плане древности, однако была такой дерзкой в своем стремлении ввысь, как и подобает самому высокому строению в мире. Ее притязаний никто не оспаривал, и Эстелла надеялась, что и она сможет стать настолько же смелой.

– Угадала, – кивнул Сэм.

Началась суматоха – причаливание, высадка, проверка документов... Эстеллу пропустили беспрепятственно, словно она и правда была американкой.

– Ты должна сегодня переночевать у нас, милая, – предложила Кларисса. – Примешь настоящую ванну. До сих пор не могу поверить, что воду для почти двух тысяч человек распределяли по нормам и даже ни разу не подумали, что пароход весь пропахнет.

– Мама дала мне адрес «Резиденции Жанны д'Арк» при посольстве, и я отправлюсь туда, – ответила Эстелла с наигранной бодростью, хотя и чувствовала себя не в своей тарелке; ведь ей предстояло выйти на Манхэттен в одиночку.

Предложение Клариссы было заманчивым. Эстелла отказалась брать у Жанны денег больше, чем требовалось на дорогу, потому что интуитивно понимала – матери они нужнее. Эстелла сможет оплачивать жилье не более недели, и, само собой, дома у Клариссы намного комфортнее, чем в «Рези-

денции Жанны д'Арк».

– Ведь это женский монастырь? – спросила Кларисса. – Надеюсь, тебя не обидят мои слова, но для монастыря ты выглядишь недостаточно смиренной.

Эстелла расхохоталась и сразу почувствовала себя лучше. Оказывается, можно найти повод для шуток, даже сейчас.

– К счастью, не монастырь. Это пансион исключительно для женщин, которым руководят монахини. Уверена, место для меня найдется.

Именно этому учила ее мама. Быть самостоятельной. Если Эстелла в первый же вечер не завоюет Манхэттен, независимая и с высоко поднятой головой, значит, ее может сломить все, что угодно. Отказывая Клариссе, она чувствовала, будто мама посылает ей знак одобрения – такой душевной близости ей не найти среди других людей в большой чужой семье.

– Тогда я настаиваю, чтобы завтра ты поужинала у нас. Мы с Сэмом настаиваем. – Она умоляюще взглянула на сына.

– Мама мне житья не даст, пока ты не согласишься, – с озорной улыбкой добавил Сэм.

– Этого мы не допустим. – Эстелла тоже улыбнулась. Она радовалась, что у нее есть в городе хотя бы один друг, и еще больше радовалась тому, что нашелся повод сохранить дружбу.

Кларисса уговорила Эстеллу сесть вместе с ними в одно такси; новые друзья проводили ее до шестиэтажного кирпич-

ного здания на 24-й Западной улице и убедились, что девушке выделили комнату. Обстановка там была спартанской, зато напоминала Эстелле о парижской квартире, такой же простой и скудно меблированной. Она вновь ощутила рядом мамино присутствие.

После ухода Клариссы Эстелла, даже не приняв душ, поспешила в маленькую часовню при пансионе. Там она зажгла свечку, опустилась на колени и принялась молиться, надеясь, что святая Жанна каким-то образом услышит ее страстные призывы. «Пожалуйста, помоги моей маме, – шептала она. – Помоги моему городу. Помоги моей стране. Пусть никто не умрет. Пусть немцы пробудут у нас неделю... ну ладно, пусть месяц, не больше. Пусть Шарль де Голль быстрее освободит Францию, пока не пострадали многие люди».

* * *

На следующий день Эстелла вышла в город и в первую же минуту ощутила его дух, энергию, живость. Она поняла, что Париж давно находится в спячке, что он жил, словно сдерживая дыхание, пока энергия не закончилась. А вот в Нью-Йорке были динамика, стиль, блеск, как на показах Ланвен. Ей попало еще кое-что знакомое. Фасады домов на улицах вблизи пансиона были выстроены в одну линию, будто по струнке, даже окна выровнены идеально, словно и

здесь устроили османизацию²⁵. На метро – его называли «сабвей» – Эстелла доехала до Таймс-сквер. А вот там все оказалось по-другому.

Кругом мелькали билборды с рекламой: «Кока-Кола», «Плантерс Пинатс», «Масис» и некое «Шевроле». Реклама сигарет «Кэмел» каким-то образом выдыхала на прохожих настоящий дым. Эстелла остановилась, уставившись на нее, и толпа вынужденно обходила девушку; впрочем, недовольства никто не выказывал. Во Франции Эстелле по меньшей мере сделали бы замечание, а то и обругали.

Ей показалось странным, что посреди этого столпотворения и атмосферы всеобщего праздника возвышалась статуя – мужчина рядом с большим крестом, на постаменте выгравирована надпись «Отец Даффи²⁶» – словно его положили на алтарь и поклонялись как одному из американских богов. Может быть, в Нью-Йорке нет церквей и его жители молятся на такие вот уличные скульптуры? Она прикрыла глаза, прогоняя видение: вот они с мамой по воскресеньям молятся в церкви Сен-Поль-Сен-Луи, опустившись на колени. Как она сможет жить в городе, который не украшают шпили, витражи и колокола?

Эстелла открыла глаза, огляделась по сторонам и осозна-

²⁵ Имеется в виду кардинальная перестройка центра Парижа в XIX веке под руководством барона Жоржа Эжена Османа.

²⁶ Фрэнсис Даффи, знаменитый католический священник, служивший в Первую мировую войну полковым капелланом.

ла, что невозможно открыть их настолько, чтобы понять все. Здесь, на Манхэттене, взгляд любого человека автоматически устремлялся ввысь, туда, где здания сужались и, подобно многоярусным пирамидам, пронзали небо. В Париже единственным сооружением такой высоты была Эйфелева башня. А в Нью-Йорке вертикали доминировали повсюду.

Наконец Эстелла улыбнулась. Вот он какой, Нью-Йорк. Яркий, блистательный – самое подходящее место для смелого золотого платья. И впервые, несмотря на войну и на то, что всякий раз при мысли о матери у нее начинались жуткие спазмы в животе, Эстелла почувствовала радостное возбуждение, которое подтолкнуло ее вперед.

Она пересекла Седьмую авеню и, увидев знакомую картину, заулыбалась еще шире. Из окон валил пар от множества утюгов – это разглаживали одежду, прежде чем вывесить ее на продажу. Однако источник этого пара находился высоко над головой, на высоте двадцатого или даже тридцатого этажа, клубы пара сливались с облаками, а это значило, что одежду производят на всех уровнях здания. Подумать только! Шить, гладить, рисовать эскизы, создавать модели и при этом находиться так высоко над землей! Как там, наверное, много света! Пусть Манхэттен другой; отсюда не следует, что он хуже Парижа.

Эстелла решила начать с офисов производителей одежды, которые в Париже покупали у нее эскизы. Если они не найдут ей работы, можно попробовать обратиться к закупщикам

из универмагов. Она особенно обрадовалась, отметив, что на визитке одного из знакомых ей производителей, мистера Гринберга, стоял упомянутый Сэмом адрес: Седьмая авеню, 550. В Париже этот адрес ничего для нее не значил, а вот теперь олицетворял шанс, за который следовало уцепиться.

Увы, ее настрой мало сказать угас; он почти улетучился, когда Эстелла добралась до офиса мистера Гринберга. Он был ей рад. Однако в модельерах не нуждался.

– Вы нужны мне в сопоставительно-торговом отделе. Все упускают детали, не уделяют внимания пуговицам или швам – тому, что делает каждое платье особенным. Тут требуется наметанный глаз.

– В сопоставительно-торговом отделе? – переспросила Эстелла. Ничего подобного она доселе не слышала и решила, это что-то чисто американское.

– Вы идете по магазинам – «Бергдорф», «Сакс», «Форсайт», – смотрите, чем они торгуют, особенно модели, выглядящие французскими, зарисовываете и передаете закройщику. А он работает с этим дальше.

– Простите?.. – переспросила Эстелла, решив, что просто не полностью переключила мозги на английский.

– Берете блокнот, – он сунул ей в руку несколько листов бумаги, – карандаш и приносите мне то, из чего я могу сделать модель. Из-за проклятой войны всем не хватает эскизов! Полтора доллара за штуку. Как в Париже.

Эстелла развернулась, понимая, что нужно уходить, пока

не ляпнула чего-нибудь лишнего. Что война не просто какое-то неудобство: она видела, как люди гибли, всего лишь пытаясь перебраться в безопасное место; она знала тех, кто, подобно месье Омону, делал все, что мог, когда многие другие слишком перепугались.

На улице ее чуть не сбили с ног ручной тележкой, на которой перевозили одежду.

– Черт! – негромко выругалась Эстелла, ощупывая лодыжку.

Не важно, насколько это ее задевает. Она должна выполнить поручения мистера Гринберга, если хочет платить за комнату. Если она хочет есть и покупать билет, чтобы возвращаться в пансион на метро. Она должна делать то, что поклялась не делать никогда: копировать. Почему никому не нужны оригинальные модели? Почему здесь все стали невольниками немногочисленных парижских кутюрье?

Вопросы без ответа. А в кошельке всего двадцать долларов. Эстелла изучила карту, которую ей дали в пансионе, и направилась на Пятую авеню, в универсальный магазин Сакса, радуясь, что решила надеть собственноручно сшитое платье – более элегантное, чем одежда, которую она обычно носила на работу в своей мастерской. Хотела произвести хорошее впечатление на мистера Гринберга... А вот теперь нужно сойти за покупательницу, которая может позволить себе одеваться у Сакса.

Эстелла изобразила походку и осанку, скопированные у

манекенщиц из салонов, и бодро продефилировала в секцию женской одежды. Первым же платьем, которое она там увидела, была подделка под Магги Руфф²⁷, модель из превосходного черного сатина, длиной до пола, слегка расклешенная. Эстелла взглянула на ценник: 175 долларов! Раза в три дороже, чем для клиенток Магги Руфф в Париже. За сколько же продаст такое платье мистер Гринберг? Наверняка дешевле 175 долларов. И Эстелла, получающая по полтора доллара за эскиз, находится в самом начале длинной цепочки копирования.

Она тайком сделала в блокноте столько пометок, сколько смогла, пока продавщица не начала преследовать ее как тень. Затем перебралась в магазин Бергдорфа, где продавцы были менее внимательны, и наскоро набросала детали еще шести вечерних платьев, после чего вернулась к Гринбергу, чтобы перерисовать эскизы как следует, пока фасоны не выветрились из памяти.

Скоро Эстелла обнаружила, что у Гринберга нет собственного модельера; он сказал, что на Седьмой авеню такое в порядке вещей. Ни у кого нет модельеров; никто не создает модели. Все копируют либо Париж, либо друг друга.

– Америка – это индустрия; Париж – искусство, – заявил он. – Париж творит, мы делаем. – А затем добавил, что ему достаточно закройщика, который превратит эскизы Эстеллы в модели.

²⁷ Магги Руфф (1896–1971) – французская художница-модельер.

– Закройщик умеет раскраивать ткань, – возразила Эстелла, – но откуда пятидесятилетнему мужчине знать, что хотят носить женщины? Я могу сама делать для вас модели, – предложила она. – Завтра же принесу несколько эскизов.

– Я могу намного дороже продать настоящую копию Шанель, чем неизвестно чьи поделки, – отмахнулся он.

Настоящую копию Шанель! Какой оксюморон! Эстелла еле сдержалась, чтобы не показать в открытую свое презрение. Вместо того она продолжила рисовать, думая только о десяти с половиной долларах, которые только что заработала. Этого хватит, чтобы неделю платить за комнату. Все было несколько по-другому, когда ее эскизы отправляли на кораблях в Америку, а сама Эстелла оставалась в Париже, далеко от места преступления. Зато теперь ее затянуло в самую гущу процесса; словно опустилась светомаскировка и разом погасила весь увиденный утром свет.

Полчаса спустя мистер Гринберг прервал ее, торопливо войдя в комнату в сопровождении высокой блондинки. Девушка, ровесница Эстеллы, держалась абсолютно непринужденно, не скрывая роскошные выпуклости своей фигуры.

– Нужно ее одеть и через десять минут выпустить на подиум, – объявил мистер Гринберг, словно они уже обговорили ранее, что эта работа входит в обязанности Эстеллы. – Закупщик из «Масис» уже здесь. Жаль, у нас еще не готовы модели по твоим сегодняшним эскизам. Ладно, будем работать с тем, что есть. – Он вышел за дверь, и Эстелла услыша-

ла, как он поприветствовал кого-то в маленькой приемной.

– Меня зовут Джейни, – весело представилась блондинка с акцентом, который Эстелла не смогла распознать. – Манекенщица. Приступила к работе на прошлой неделе, но уже поняла – я не хочу застрять здесь навечно. А ты?

Эстелла рассмеялась.

– Я не смогла бы выразиться лучше. Хотя работаю здесь всего лишь с утра. Вот это, – она сняла с вешалки один из «костюмов сирены»²⁸, в которой узнала модель, скопированную ею для Гринберга в апреле, – выполнила для тебя лично мисс Скиапарелли. Укомплектовано карманами «кенгуру», чтобы ты смогла спуститься в бомбоубежище, прихватив с собой кастрюлю, на случай если с неба нам что-нибудь бросят.

– Смехотворно, правда? – хихикнула Джейни.

– Да просто ненормально. Кто купит костюм сирены в городе, где нет ни налетов, ни убежищ?

– Ты будешь удивлена. Все, что от тебя требуется, – помочь мне быстро надеть или снять очередную вещь, иначе нам грозят неприятности. Он достаточно галантен, даже занавес установил, чтобы я не стеснялась.

За занавесом Эстелла помогла Джейни влезть в платье, которое поначалу не узнала, но затем поняла – это очередная копия Магги Руфф, вот только закройщик укоротил подол

²⁸ Так называли комбинезон, который можно было быстро надеть, чтобы укрыться в бомбоубежище во время ночных воздушных налетов.

на дюйм, и юбка смотрелась на Джейни уже не такой пышной, словно девушка попала под дождь.

– Оригинал-то должен подметать пол, – сказала Эстелла. – Мне никогда не нравилось это платье; слишком много лжевикторианской ностальгии, но, по крайней мере, так и было задумано. А сейчас у нас не пойми что. – Она отступила на шаг и окинула Джейни критическим взглядом, размышляя. Не за тем мама отправила ее в Америку, чтобы копировать платья. Такой наряд Джейни не сможет продемонстрировать с гордостью. Мама, запертая в оккупированном немцами Париже, заслуживала, чтобы дочь использовала свой шанс в большей степени.

– Погоди-ка. – Эстелла схватила горсть булавок и ловко укоротила подол дюймов на пять, сохранив пышность юбки. Когда она закончила, платье выглядело оживленным и стильным, будто само могло сорваться с места и закружиться по залу в танце.

– Боже, да оно стало совсем другим, – с восхищением воскликнула Джейни.

– Мы ждем! – рявкнул мистер Гринберг.

– Ну, держись! – хохотнула Джейни.

Когда Джейни прошла по демонстрационному залу, Эстелла поняла – девушка не зря выбрала профессию. Она излучала природную уверенность в себе, придавала уникальность каждому платью. Эстелла взглянула на Гринберга. Тот вскочил со стула, словно она воткнула булавки не в платье,

а в него самого.

– Извините, – обратился он к закупщику, с трудом изображая вежливость, схватил Джейни за руку и вытащил за дверь. – Что это?

– Платье, – проворковала Джейни, невинная, как ягненок.

– Я скорректировала длину, – пояснила Эстелла. – Не знаю, кто копировал для вас эту модель, но ему явно нужны очки.

– Юбка коротка. Такие давно не носят! – прошипел Гринберг.

– Но мода движется в этом направлении, – ответила Эстелла. – Вспомните длину юбок на апрельских показах и сравните с октябрьскими. Вы увидите...

– Здесь и сейчас у нас в Америке таких коротких юбок не носят. Верни длину на место!

– Нет! – Эстелла впервые за день набралась смелости, не желая портить то, что в свое время модельер создал с любовью и старанием.

– Ты уволена!

– Вы должны мне десять с половиной долларов, – огрызнулась Эстелла. – В противном случае я прямо сейчас расскажу закупщику из «Масиса», откуда вы берете свои модели.

Гринбергу не оставалось ничего, кроме как заплатить. Кипя от негодования, он дрожащей рукой опустил купюры Эстелле в ладонь.

– Вам следует быть осмотрительной, юная леди, – он не удержался от последнего выпада, – иначе не избежать больших трудностей при поиске новой работы на Седьмой авеню.

Эстелла в долгу не осталась:

– Через полгода все платья, которые вы сможете продать, будут такой же длины, как это, и вы не раз задумаетесь, стоило ли меня увольнять. – Она взяла сумочку, проследовала на выход и выместила свою ярость на кнопке лифта, стараясь не думать о том, что натворила. Лифт доставил ее в вестибюль. Она остановилась, размышляя, что делать дальше.

– Постой! – раздался голос Джейни. Она приехала на лифте следом.

Эстелла не смогла удержаться от смеха:

– Ты видела его лицо? Можно подумать, я отправила тебя на подиум в нижнем белье!

– Полагаю, он был бы не против, – с озорной улыбкой добавила Джейни.

Обе девушки расхохотались. Джейни взяла Эстеллу под руку, и они вместе вышли на улицу.

До сих пор Эстелла считала, что на улицах Манхэттена шумно и многолюдно; однако к тому, что творится в «Швейном квартале» в полдень, оказалась неподготовленной. Служащие спешили на ланч, торопясь занять последние свободные места в кафе; грузчики катили туда и сюда вешалки с одеждой, словно вагоны метро; машины парковались у бордюров вплотную друг к другу, не оставляя свободным ни

дьюма; из кузовов выгружали рулоны ткани, коробки с пуговицами, лентами, застежками и прочей фурнитурой. Партии готовой одежды выплывали из ворот фабрик; их укладывали в фургоны, чтобы доставить в магазины. Движение застопорилось; машины заблокировали улицу, оставив узкую полосу, где могли протиснуться разве что пешеходы. Клаксоны сигналили беспрерывно; обычная манхэттенская серенада превратилась в нетерпеливый хор, сопровождаемый ревом моторов, грохотом тележных колес и выкриками водителей грузовиков, которые приветствовали друг друга.

– Умираю с голоду, – объявила Джейни и потащила Эстеллу в ближайшее кафе, где заказала бургер и кофе.

Эстелла соскучилась по рагу с гарниром, которое обычно ела на обед в своей мастерской, однако все блюда в меню предназначались скорее для быстрого утоления голода, чем для неспешной трапезы. Придется привыкнуть еще к одной вещи: ланч здесь не является главной трапезой дня, как в Париже. Она заказала самое дешевое блюдо, какое смогла найти, учитывая свой нынешний статус безработной – суп с тончайшим белым ломтиком чего-то, что называлось хлебом. Один только взгляд на кофе Джейни дал ей понять, что переживать не стоит.

– Откуда приехала? – поинтересовалась она у Джейни.

– Из Австралии, – сообщила девушка. – Украла у родителей деньги на дорогу и сбежала, пока не превратилась в яблоко, слишком долго повисевшее на дереве. Почернев-

шее, сморщенное и горькое, как отрава. Как все жители Уогга-Уогга.

– А такой город действительно есть? – недоверчиво переспросила Эстелла.

– Ну ты даешь! Уогга реальна, так же как и я. Ты разговариваешь с дочерью мануфактурщика. Я ходила по фабрике с тех пор, как вообще научилась ходить. Подруга решила уехать в Англию работать няней. Я вместе с ней добралась до порта, а там передумала и села на пароход до Нью-Йорка. И вот уже почти год как здесь. Достаточно для того, чтобы понять, – она указала на контору мистера Гринберга на другой стороне улицы, – это не для меня и не для тебя.

– А где же лучшее место? – задумчиво произнесла Эстелла. – Мне нужны деньги. Нужна работа.

– Мне тоже. Я должна платить за аренду комнаты в «Барбизоне», хотя там едва ли больше свободы, чем дома у родителей.

– Ага. А я остановилась в «Резиденции Жанны д'Арк». Считай что монастырь.

Джейни захихикала с набитым ртом:

– Посмотреть на нас со стороны... Сидим без денег в городе, который процветает благодаря свободе, вот только свобода дает тебе не больше, чем сумеешь урвать.

– Знаю. Я все время думаю о Шанель, как ей приходилось зависеть от денег мужчины, чтобы начать свое дело. Вот этого я не хочу. И уж точно не хочу больше зарабатывать копи-

рованием платьев для мистера Гринберга.

– Так ведь все так делают, – усмехнулась Джейни. – Угрызения совести вышли из моды, как шляпки «колокол». Одна из барбизонских девушек нашла работу: ей дают деньги на покупку платьев в дорогих модных домах, где шьют по индивидуальной мерке; это приносит больше денег, чем копии Гринберга. Она получает платье в качестве зарплаты. Манекенщицы вроде меня могут дополнительно заработать, передавая информацию об одежде, которую примеряют, производителю этажом ниже. Я слышала, доставщиков, которые возят тележки по Седьмой авеню, останавливают и платят за то, чтобы посмотреть товар, пока он не доехал до магазина.

– Да тут хуже, чем в Париже, – простионала Эстелла.

– Вот что я тебе скажу. В «Барбизоне» можно устроить подругу на раскладную койку, которая занимает полкомнаты, и стоит это доллар за ночь. Для отдельной комнаты нужны три рекомендации и успешное собеседование, но с временным подселением попроще, мы как-нибудь справимся.

– Три рекомендации? Это что, пансион благородных девиц?

Джейни ухмыльнулась:

– «Барбизон» хотел бы считать себя пансионом благородных девиц. Мужчины туда не допускаются, лишь самые достойные женщины, какие только сыщутся в городе. А ты сейчас сидишь рядом с мисс Сидней 1938 года, победительницей самого известного конкурса красоты в стране. Я при-

везла из Австралии три безупречно подделанные рекомендации, и никто не подумал позвонить туда и проверить, так что комнату я получила.

– Ты крадешь деньги у родителей, подделываешь документы... Чего еще я не знаю? – улыбнулась Эстелла.

– Только то, что мы с тобой в этом городе не соскучимся.

– Я поняла! – Эстелла вскочила с места. – Идем по магазинам!

– На какие деньги? – засомневалась Джейни.

– Мы не будем покупать, мы будем смотреть. Я хочу понять, на кого нужно работать, и тогда мы не попадем к кому-нибудь типа Гринберга. Должен же найтись в Америке тот, кто шьет одежду по собственным моделям!

Они побывали в универмагах «Форсайт», «Бенджамин Альтман», «Лорд и Тейлор» и «Блумингдейл». Джейни, натуральная блондинка высокого роста, привлекала всеобщее внимание, словно жираф подвергся метаморфозе и превратился в прекрасную девушку, унаследовав длинные ресницы.

Среди безликих и в основном неоригинальных моделей, скопированных, как и ожидала Эстелла, прямо с парижских модных показов, нашлась и пара стильных.

– Похоже, вещи делятся на четыре категории, – решила Эстелла спустя некоторое время. – Подделки под Париж, имитации под Голливуд, индивидуальный пошив и спортивная одежда. Мне понравилось вот это. – Она сняла с вешал-

ки два простых платья с запахом. На ярлыках была надпись «Таунли Фрокс». – Выглядят не так, как остальные на вешалке, и еще пошиты в стиле, который пойдет большинству типов фигуры. Явно не подделка. Или другое – «Клэр Поттер». Почему бы нам не поработать на кого-то из них?

– Если нас возьмут, – сказала Джейни.

– Тебя возьмут, – уверенно заявила Эстелла. – Ты создана для этого. Однако я знаю кое-кого, кто может помочь. К счастью, мы сегодня приглашены на ужин.

– Мы?

– Это такие люди, которые не будут возражать, если я приведу с собой подругу.

Они пересекли Лексингтон-авеню и направились к 63-й Восточной улице. По пути Эстелла рассказала Джейни о Сэме.

– Не сомневаюсь, он будет рад, если ты придешь со мной. – Она подмигнула, намекая на яркую внешность подруги.

– Пф-ф, – фыркнула та. – Пусть я длинноногая блондинка, но ты изумительна, как «Крайслер» в лучах закатного солнца. Если он уже встречается с тобой, у меня нет шанса, сколько ни флиртуй.

– Мы просто друзья. Можешь флиртовать сколько угодно.

Отель для женщин «Барбизон» на углу Лексингтон-авеню и 63-й Восточной улицы оказался красивой постройкой из розового кирпича с вкраплениями изумрудного и черно-

го цвета. Отчасти готика, отчасти ренессанс, он возвышался над соседними зданиями. Эстелла подняла глаза, восхищенно разглядывая верхние этажи отеля.

– Я привыкла к шестиэтажным зданиям, – пояснила она. – Не представляю, как можно жить настолько высоко.

– Привыкнешь, – весело проговорила Джейни, направляясь к парадной двери. – В Австралии все дома одноэтажные. А я теперь стою на балконе восемнадцатого этажа и почти не замечаю, что вокруг небо.

Они вошли в отель. Джейни махнула рукой, указывая на деревянное ограждение наверху.

– Главный холл. Там сцена и концертный зал с органом. Здесь стараются привлечь клиентуру из мира искусства: начинающих актрис, музыкантов, художниц, манекенщиц, ну и секретарш тоже. Есть бассейн, турецкие бани, солярий, гимнастический зал и много всего, чем любая клиентка может пользоваться в любое время. Чтобы тебя пустили в гости, нужен пропуск. Я уболтаю администраторшу, чтобы тебе разрешили пожить в моей комнате. Если рассказать, что ты беженка из Парижа, она проникнется сочувствием.

Джейни на ходу принялась выдумывать историю о подруге, которая бежала от немцев, пережив невообразимые ужасы и которую нельзя оставить на улице и подвергнуть новым страданиям. Пока она умасливала администраторшу, Эстелла смотрела на молодых женщин, так похожих на нее саму, которые пробегали через вестибюль туда и сюда, держа в

руках музыкальные инструменты, книги и даже мольберты. Все были чем-то заняты, все стремились к какой-то цели, и, более того, все нуждались в одежде, которая отражает их целеустремленность. Если клиентки отеля имеют в основном артистические профессии, как говорила Джейни, они примут скорее оригинальную одежду, чем копии. А значит, цена моделей должна укладываться в бюджет работающей женщины. У Эстеллы в голове закрутились шестеренки. Она внезапно почувствовала открывающиеся возможности.

Джейни, как и ожидалось, сумела уговорить администраторшу. Собрав вещи Эстеллы и приведя себя в порядок, подруги отправились на метро в дом родителей Сэма. Кларисса заключила Эстеллу в объятия и только отмахнулась, когда та начала извиняться по поводу того, что без приглашения привела с собой гостью. А Сэм и его отец при виде Джейни едва не уронили челюсти.

– Радуйся, она планирует с тобой флиртовать, – украдкой шепнула Эстелла Сэму, когда родители провожали их в гостиную.

– Ну наконец-то! Хоть одна. От тебя я уже отчаялся дожидаться, – ухмыльнулся Сэм и переключился на Джейни.

Ужин был бесподобен, и вечер пролетел быстро.

Кларисса велела Эстелле и Джейни действовать решительно и расспросить Сэма о нью-йоркской индустрии моды – какой бы она ни была, – причем не церемониться и не тратить время на вежливые, но бесполезные разговоры.

– Как насчет Тины Лесер? – спросила Джейни. – Я видела в «Лорд энд Тейлор» один из ее повседневных костюмов. Я готова продать свою маму, только бы купить что-нибудь подобное.

– Тина Лесер живет и работает на Гавайях, и ты не сможешь демонстрировать для нее модели. Разве что планируешь отпуск на островах, – сказал Сэм.

– От Гавайев я бы не отказалась, – вздохнула Джейни.

– Ты просто создана для них. – Сэм со знанием дела обвел взглядом ее фигуру.

– Прекратите! – простонала Эстелла.

– Дорогая, мне порой приходится напоминать себе, что ты француженка, – покачала головой Кларисса. – Твое произношение безупречно.

– Мой отец американец. – Эстелла решила попробовать на вкус эти слова, пожертвовав привычным объяснением своими уроками английского с американским преподавателем. Однако утверждение звучало фальшиво, словно она на самом деле едва знала язык. Лучше вернуться к разговору с Сэмом. – Можешь флиртовать с Джейни сколько угодно, но после того, как мы закончим с делами.

– Где твоя романтичность?

– Осталась в Париже. – Эстелла шутила лишь отчасти.

– Извини, – покаялся Сэм. – Ты видела сегодняшние газеты?

– Нет.

Кларисса встала и принесла «Нью-Йорк таймс». На первой странице была фотография Эйфелевой башни с развевающейся на стальном стержне свастикой.

– Франция подписала с Германией соглашение о перемирии. Страну разделили на две зоны. Свободную зону, ниже вот этой линии, – Кларисса указала на карту, – и оккупированную, которая включает в себя Париж.

– Моя мама осталась в Париже, – тихо произнесла Эстелла.

– Мне очень жаль. – Кларисса коснулась ее руки.

Эстелла уставилась на фотографии: свастика, водруженная над Могилей Неизвестного Солдата и над Триумфальной аркой, четыре артиллерийских орудия, целящихся в направлении Пляс д'Этуаль с каждой из основных улиц... Она отбросила газету и попыталась представить, как мама работает в мастерской вместе с Наннетт и Мари, но без месье Омона, и делает цветы, которые украсят платья немецких женщин. И тут ее словно током ударило. Ведь Мари – еврейка! После всех рассказов, которые Эстелле приходилось слышать, сердце сжалось от одной мысли, что может случиться с женщинами из мастерской. А что будет с мамой, если она продолжит помогать людям наперекор немцам?

– Как думаете, они выживут?

– Я надеюсь, – ответила Кларисса.

Надежда. Снова надежда. А много ли надежды осталось сейчас в мире? Меньше, чем нужно? Или все же достаточно?

– С чего мне начать? – Эстелла увела разговор в сторону от больной темы, переключившись с прошлого на будущее. Мама дала ей жизнь, и она должна с этой жизнью что-то сделать. – Думаю, с поиска работы, – добавила она на случай, если покажется, что слишком быстро сменила тему.

– Не имеет значения, с чего ты начнешь. Главное, к чему придешь в конце концов, – изрек Сэм.

– Верно, – согласилась Эстелла. И в голове вспыхнула мысль, которая начала зарождаться в «Барбизоне», едва сформированная, нелепая. Хотя почему бы и нет? – Конструирование одежды – это платья и костюмы для конкретных людей. А вот копии делают для всех и ни для кого; просто потому, что так заведено. Что, если я буду создавать одежду для таких женщин, как я? Или как ты. – Она повернулась к Джейни. – И наши модели позволят нам чувствовать себя уникальными, потому что это будут не подделки. Мы могли бы работать вместе, втроем. Сами на себя.

Эстелла запнулась. Наверняка над ней только посмеются. Давно ли они знакомы? В лучшем случае сочтут ее неумной и излишне самоуверенной. Однако она вновь открыла рот в порыве азарта, который так выводил из себя Мари в парижской мастерской, – азарта, который всегда заставлял ее высказывать свое мнение вслух, передавать смертельно опасные карты и танцевать танго с рулоном золотого атласа.

– Когда-нибудь у меня будет достаточно денег. Конечно, это случится не скоро, однако когда я скоплю некоторую

сумму, то смогу конструировать модели, Сэм – раскраивать ткань, а Джейни станет нашей манекенщицей. Если, конечно, вам нравятся мои работы.

– Ты шутишь? – спросил Сэм и повернулся к Джейни. – Видела золотое платье?

Джейни кивнула. Она взглянула на платье, когда Эстелла вешала его в шкаф в «Барбизоне»; брови девушки приподнялись от изумления, да так и застыли в идеальной форме. Наверное, как минимум год не придется выщипывать.

– Звучит чертовски заманчиво, – сказала Джейни. – Эстелла уж точно не будет меня лапать вместо оплаты за услуги. – Она подмигнула Сэму. – Хотя против тебя я не возражаю...

Сэм расхохотался:

– С такой моделью, как ты, таким кутюрье, как Эстелла, и таким закройщиком, как я... Весь Нью-Йорк будет у наших ног!

Кларисса улыбнулась и подняла бокал.

– Как назовете компанию?

– «Стелла!» – помедлив, выпалила Джейни. – Потому что мы все стремимся стать звездами!

– «Стелла Дизайн», – уточнил Сэм.

– Уверены? – спросила Эстелла, и Джейни одновременно с ней воскликнула:

– Блестяще! Беспроектное название!

Эстелла взглянула на лица двух новых друзей, достаточно

безрассудных и отчаянных, чтобы связаться с ней, счастливо засмеялась и подняла бокал.

– За «Стеллу!»

Глава 5

Эстелла нашла новую работу относительно легко. Хотя Америка и не участвовала в войне, мужчин призывали на военную службу, и женщин нанимали на освободившиеся вакансии в модных ателье на Манхэттене. Она начала в «Мезон Бурано», у первоклассного нью-йоркского кутюрье, где, как полагала, окажется в гуще процесса и проникнется новыми замечательными идеями. Вот только кутюрье оказался настолько вторичным в своих моделях, что на дверях его ателье вполне уместно смотрелась бы вывеска «Американский дом Шанель».

Однако работа была легкой – пошив платьев, эскизы которых Эстелла рисовала два сезона назад. «Мезон Бурано» делал вариации хорошо продающихся моделей, увеличивая или уменьшая вырез на четверть дюйма либо меняя вид манжет, и никогда не отклонялся от базовых форм, которые американские портные считали модными, то есть основанными на том, что видели в Париже, не задаваясь вопросом, захотят ли женщины в Нью-Йорке такое носить.

Всего лишь месяц спустя старшая портниха настолько впечатлилась работой Эстеллы, что позволила ей участвовать в процессе примерки. И тут Эстелла налетела на неприятности. Старшую портниху куда-то позвали, и та на минуту ушла из примерочной, оставив Эстеллу с клиенткой. При-

смотревшись, как платье сидит на высокой женщине, Эстелла не смогла удержаться от соблазна сделать рукава менее свободными и более прилегающими. Она подколола их, изменив покрой. Шанель всегда хотела видеть в первую очередь женщину и только потом платье, и Эстелла была убеждена, что теперь, когда рукава подчеркивали элегантные плечи женщины, вместо того чтобы скрывать их, она добилась именно такого результата.

Эстелла с довольной улыбкой отступила на шаг и дождалась возвращения начальницы. Та бросила взгляд на рукава и прошипела:

– Извините нас на секунду...

Когда они оказались вне пределов слышимости клиентки, старшая портниха зашептала:

– Кажется, ты кое-что напортачила с рукавами.

– О нет, – с неподдельным восторгом возразила Эстелла. –

Я их улучшила.

– В твои обязанности не входит внесение улучшений.

– Но так они смотрятся намного лучше, – взмолилась Эстелла.

– Такие рукава не в моде, – взвилась начальница. – Ты всего лишь швея. Откуда тебе знать, что хотят носить леди из Верхнего Ист-Сайда?

– Я как раз живу в Верхнем Ист-Сайде, – находчиво возразила Эстелла, ничуть не солгав. Хотя старшая портниха имела в виду вовсе не отель «Барбизон».

– Надеюсь, ты успела отложить на черный день немного денег в своем жилище в Верхнем Ист-Сайде. Потому что здесь ты больше не работаешь.

Ну вот! Эстелла опять умудрилась сделать так, чтобы ее уволили. Почему в мире американской моды все настолько недальновидные? Никто не хочет дать шанс чему-то новому. Собирая вещи, она услышала, как клиентка рассыпалась в благодарностях. Ей очень понравилось платье, особенно то, как оно подчеркивает красоту и изящество ее рук. Можно ли заказать сразу два, черное и красное?

– Разумеется, – проворковала старшая портниха.

Эстелла подождала минут десять. Возможно, начальница придет и извинится? Однако этого не случилось. «Мезон Бурано» продал два платья с рукавами Эстеллы, а сама она ушла ни с чем.

Позже, в «Барбизоне», Джейни сказала с сочувствием:

– Вдруг это к счастью? Вдруг теперь ты найдешь место, где оценят твои таланты?

– Надеюсь, – ответила Эстелла, хотя очень сомневалась.

В тот вечер – в свой двадцать третий день рождения, – после того как Джейни уснула, Эстелла написала маме очередное, десятое по счету, письмо. Все предыдущие остались без ответа. Она навела справки на почте, и ей сказали, что до Парижа письма, возможно, и доходят, а вот в обратном направлении – нет. Немцы не желают, чтобы мир узнал о том, что они творят. Все, что оставалось Эстелле, – это прокли-

нать человека, которому в Париже передала карты, за то, что тот разлучил ее с матерью, да еще сочинять небылицы о том, как она счастлива, надеясь, что каждое ее слово придаст маме сил пройти через испытания.

* * *

Джейни повезло получить работу манекенщицы в салоне у Хэтти Карнеги, где шили на заказ, а Сэм устроился в ателье готового платья на Седьмой авеню, 550 и выглядел вполне довольным.

– Здесь требуется другой набор навыков, не то что в доме высокой моды, – сообщил он однажды вечером, встретившись в кафе с Эстеллой и Джейни. – Мне нравится. Сама одежда ужасна, однако думаю, лучшей школы на будущее мне не найти.

– Ты о чем? – спросила Джейни.

– Что ты носишь на работу? – подсказала ей Эстелла, догадавшись, что имел в виду Сэм. – Сейчас все изменилось по сравнению с тем, что было лет двадцать назад, и даже в прошлом году, до войны. Теперь многие женщины работают. У нас нет времени каждый раз переодеваться – для работы, для дома, на ужин. Нам нужна одежда, уместная и на работе, и вечером на свидании.

– Оно и видно, что ты после работы по свиданкам бегаешь, – хмыкнула Джейни.

– Единственные мужчины, которых я вижу на работе, – пожилые портные и мужья клиенток, – рассмеялась Эстелла. – Какие тут свидания?

Очередную работу она нашла вновь на Седьмой авеню, потому что Сэм был прав: готовая одежда – это бизнес, более соответствующий духу времени, чем индивидуальный пошив, который теперь, когда за океаном гибли люди, казался скорее отклонением от нормы, подобно газетным снимкам с немецкими солдатами в отеле «Ритц».

На фабрике, работая с другими швеями, Эстелла начала осознавать, что, наверное, есть возможность объединить американские тенденции к массовому производству и ее собственные оригинальные модели. Она наслушалась разговоров о том, что в производстве готовой одежды нужно стремиться к меньшему количеству деталей выкройки и более дешевым тканям. Изучила, для чего предназначены разные машины: одни совмещали детали выкроек без образования складок и растяжений; другие корректировали выкройки в зависимости от размера; она впервые услышала о факторинге и начала понимать риски бизнеса – оказалось, ей понадобится заем у банка, рассчитанный с учетом сложившихся в розничной торговле порядков, потому что обычно от размещения заказа до его оплаты проходит десять недель. А значит, компании «Стелла Дизайн» потребуется намного больше стартового капитала, чем Эстелла думала вначале.

Сперва она придерживала язык – дольше, чем в «Мезон

Бурано», – однако, когда ей велели сделать шов по косой линии, в результате чего ткань растянулась на животе и пошла складками на бедрах, у Эстеллы до боли скривилась челюсть, и она не могла смолчать.

За пять месяцев ее уволили три раза! Резюме было настолько плохим, что после двух недель вынужденной безработицы Эстелла согласилась на единственную предложенную вакансию у меховщика – далеко от Седьмой авеню, 550, почти в Бэттери-Парк-сити. Там располагался «Меховой квартал». Эстелла занималась черной работой: подметала пол, взвешивала меха и не делала ничего, требующего особых навыков.

– В Париже я работала в швейной мастерской, – прямо заявила она заведующему, мистеру Абрамову, а следом у нее вырвалось: – Умею шить не хуже вас. – Лучше бы она заткнула себе рот обрезком меха! Ну почему, почему, почему не научилась помалкивать? – Простите меня, – извинилась она.

Вместо ответа мистер Абрамов сунул ей в руки метлу:

– Бери и подметай.

«Бери метлу и мети чертов пол, – приказала она себе, – это всего лишь средство, иначе не достичь цели». Нужно заработать деньги, если она еще не отказалась от мечты, за которую они вместе с Джейни и Сэмом пили пару месяцев назад. Настоящая жизнь начнется в шесть часов вечера, напоминала себе Эстелла, когда она будет работать над своими эскизами в «Барбизоне», попутно куря сигареты и болтая с

Джейни.

Меховщик оказался еще более подлым, чем она думала. Каждый работник занимался чем-то одним, например, рукавами или воротником, и никогда вещью в целом. Гнуть спину над рукавом, закончив, отложить в сторону, тут же взяться за другой рукав и так далее; бесконечная черед однообразных действий – скучнее, чем считать баранов при бессоннице.

К концу дня у Эстеллы болели руки от тяжелого меха и от непрерывного подметания пола. И все же у нее была работа, так что Эстелла улыбалась, когда вечером они втроем с Сэмом и Джейни выбрались в кафе. Но через какие-то две недели она наклонилась подобрать обрезки меха и застучала мистера Абрамова, когда тот заглядывал ей под юбку. Эстелла немедленно поняла, почему он с таким рвением заставлял ее подметать.

Смахнув метлой со стола все, включая рукава, воротники, выкройки, мех и булавки, она гордо вручила метлу заведующему.

– Раз вас так живо интересуется процесс подметания, займитесь этим сами.

Затем взяла сумочку и покинула мастерскую.

– Четыре места работы за полгода! – простонала она вечером того же дня, когда встретила с Сэмом, и он поцеловал ее в обе щеки – привычка, которую переняла и Джейни, особенно в отношении окружавших ее привлекательных мужчин. Эстелла опустилась на кровать. Они находились в

новой квартире Сэма в Лондонской Террасе²⁹ в Челси.

Фасад огромного современного здания с одинаковыми квартирами, квадратного, угловатого и слишком простого для Манхэттена, напоминал Эстелле бульвары Парижа и выстроенные в одну линию дома с симметричными апартаментами.

В перерыве на ланч Сэм дал ей ключи, чтобы они втроем, включая Джейни, могли встречаться после работы.

Сэм сделал ей сайдкар³⁰ и сел в кресло, глядя, как Эстелла лежит на животе поперек кровати и оплакивает свою судьбу.

– Жалеешь, что ушла? – Сэм отхлебнул виски.

– Ни минуты! – отрезала Эстелла.

– Тогда я тебе не сочувствую.

Эстелла швырнула в него подушкой:

– Мог бы хоть притвориться!

– Зачем?

– Затем, что я сегодня ноги оттоптала в поисках работы.

Опять. Если так будет продолжаться, к концу года успею перепробовать все рабочие места на Манхэттене.

– Есть место, где ты еще не работала.

– И где же? На Луне?

– Нет. – Сэм сделал театральную паузу. – В «Стелла Дизайн».

²⁹ Жилой комплекс, на момент постройки в 1930 году самый большой многоквартирный дом в мире.

³⁰ Коктейль из коньяка, апельсинового ликера и лимонного сока.

– Это придется отложить на потом, когда будут деньги.

Прямо сейчас никак.

– А почему бы и нет?

В дверях внезапно появилась Джейни, загадочно улыбаясь. Руки девушки оттягивала стопка журналов. Они втроем собирались просмотреть их сегодня, а затем пойти куда-нибудь посидеть.

– Надевайте самые лучшие шмотки. Мы идем на вечеринку.

– Что за вечеринка? – спросил Сэм.

– Настоящая, костюмированная, шикарная, прямо как в отеле «Ритц», рождественская вечеринка в Грамерси-парке, – ликуяще провозгласила Джейни. – Одна из моих клиенток сегодня оставила без присмотра сумочку, а там прямо сверху лежала пачка приглашений. Я не растерялась.

– Ты стащила приглашения на вечеринку? – скептически поинтересовался Сэм.

– Всего три штуки. Так что взять с собой девушку не сможешь. Мы будем твоим эскортом, – ответила Джейни, не сомневаясь, что Сэма это удовлетворит. – Больше года живу в Нью-Йорке, флиртую на всю катушку, а до сих пор не побывала ни на одной вечеринке для высшего света. По пути захватила нашу одежду, – сообщила она Эстелле. – Я приехала сюда, чтобы найти себе мужа, а такое мероприятие – самое для этого подходящее место.

– А я-то думала, ты приехала в Нью-Йорк, чтобы стать

манекенщицей, – с удивлением сказала Эстелла.

– Не хочу вечно быть манекенщицей. У меня другие планы. Муж с апартаментами на Парк-авеню, летний домик в Ньюпорте, в перспективе – трастовый фонд для наших четверых детей. Примерно так.

– Ты серьезно? Я понятия не имела...

«...что у тебя настолько приземленные амбиции», – хотела сказать Эстелла, однако запнулась на полуслове, так и не договорив.

– А разве ты сама не планируешь когда-нибудь выйти замуж? – спросила Джейни.

– Нет, – ответила Эстелла. Честно говоря, она никогда об этом не задумывалась. Ей казалось, замужество – это не для нее и не сейчас, когда так много предстоит сделать. Настолько много, что она не в состоянии осуществить свои планы, если у нее будет муж. – Ты действительно предпочитаешь замужество?

– А как же! Последний опрос журнала «Мадемуазель» показал: всего семь процентов женщин считают, что реально возможно совмещать семью и карьеру. Либо одно, либо другое. Я выбираю замужество.

Эстелла сама не понимала, что ее так удивило. В конце концов, многие девушки из «Барбизона», с которыми она общалась в столовой, искали того же самого, а именно кандидата в мужья. И Джейни действительно была олицетворением этих женщин, всегда стремящихся хорошо одевать-

ся, никогда не упускающих шанса улыбнуться мужчине, который, возможно, пригласит поужинать, и вполне очевидно стремящихся к естественному финалу, то есть к обручальному кольцу.

– Если я начну создавать свои модели одежды, где я смогу этим заниматься? – задумчиво произнесла Эстелла, плавно переведя разговор на другую тему, которую перед тем обсуждала с Сэмом.

– Здесь и займешься, – ответил Сэм. – Иначе какой смысл иметь просторную квартиру в Челси рядом со «Швейным кварталом»? Чтобы она целый день пустовала?

– Здесь я не смогу, – усмехнулась Эстелла.

– А почему бы и нет? – Джейни закурила и улеглась на кровать Сэма рядом с Эстеллой. – Ты рисуешь эскизы, Сэм кроит для тебя по вечерам, а на следующий день ты шьешь... Когда все будет готово, нам останется всего лишь снять помещение для закрытого показа. Я продемонстрирую модели, и заказы потекут к тебе рекой. Совсем скоро ты сможешь арендовать ателье на Седьмой авеню, 550.

– Неужели ты хочешь, чтобы я захлामीла твою квартиру? – обратилась Эстелла к Сэму.

– Еще как хочу. К тому же у меня имеется эгоистичный повод, – засмеялся Сэм.

– Какой же?

– Я хочу сделать выкройку твоего золотого платья. Такую, как положено.

– Ты серьезно?

– Да.

– Как просто!

– Я не хочу испортить момент триумфа, намекая на твое золотого платье, – Джейни порылась в стопке принесенных журналов и выхватила один из них, – но в прошлом году «Вог» начал публиковать колонку под названием «Мода Америки: все самое лучшее». – Она протянула журнал Эстелле. – Повседневная одежда и все прочие штучки-дрючки, которые мы можем здесь делать.

Эстелла пролиставала журнал.

– Но кто дизайнер одежды? Здесь ни одного имени.

– В журналах никто с этим не заморачивается. Кому нужны имена модельеров?

– Они не упоминают модельеров? – повторила Эстелла.

– Нет, – покачал головой Сэм. – Клэр Маккарделл пришлось видеть свои модели с ярлыком «Таунли Фрокс». Попроси любого на улице назвать какого-нибудь модельера, и тебе ответят: Шанель. Могу поспорить, у нас не знают ни одного американского имени.

Эстелла вскочила и принялась расхаживать по комнате.

– То есть вопрос не только в том, чтобы создавать модели одежды. Вопрос еще и в том, чтобы заставить людей поверить: создаваемая здесь одежда ни в чем не уступает Шанель и заслуживает упоминания имени модельера.

– А еще проблема в том, чтобы сделать одежду дешевой, –

добавил Сэм.

– Доступной по цене, – уточнила Эстелла. – Просто неприлично выпускать одежду, которая стоит сотни долларов, тем более во время войны.

– Джейни, – спросил Сэм, – а ты принесла тот номер «Вог», о котором мне рассказывала? Где пишут о четырех типах женщин: Леди, Путешественница, Бережливая Хозяйка и Бизнесвумен?

– Вот он! – Джейни радостно выудила из стопки другой журнал и прочла, гротескно изображая акцент Верхнего Ист-Сайда: – «С девяти тридцати до двенадцати тридцати дня Бизнесвумен напряженно и продуктивно работает в офисе. С двенадцати тридцати до двух часов ее головой занимаются в Charles Brock's, поскольку она считает элегантную прическу составляющей успеха. Пока волосы сохнут, ей делают маникюр...»

Эстелла фыркнула:

– Не похоже, что Бизнесвумен сильно загружена работой, если может позволить себе посвятить полдня прическе и маникюру. Эти люди вообще-то существуют? Много ли Путешественниц найдется сейчас, когда идет война? Мне нужны работающие женщины. Такие, как мы. Мы назовем их «Реальные женщины». И я хочу шить одежду для них – удобную и стильную, а еще с какой-нибудь неожиданной деталью. – И тут идея буквально слетела у нее с языка: – Да ведь я раньше делала цветы! Я хочу сделать их отличительной чертой

бренда!

– Может сработать! – Джейни приподняла бровь.

Может. И все, что нужно, – это тетрадь для эскизов, швейная машинка да пригоршня храбрости. С таким закрыщиком, как Сэм, она сможет уменьшить количество элементов выкройки и превратить набросок в тетради в доступную по цене одежду. А уж если Джейни возьмется демонстрировать модели... никто не устоит! Останется найти постоянных покупателей.

– Я должна это реализовать, и, черт возьми, как можно быстрее! Иначе мне будет не по карману даже раскладушка в «Барбизоне»!

– Мне кажется, у нас есть повод выпить. – У Джейни вспыхнули глаза. – И кстати, на вечеринке бесплатные напитки. Здорово.

Девушка помахала украденными приглашениями.

– Она права. – Сэм повернулся к Эстелле: – Все, что тебе нужно, – это наряд. Я знаю, ты где-то прячешь феерическое золотое платье.

– Я принесла его с собой. – Джейни достала платье из сумки.

– Тогда я пошла переодеваться. – Эстелла нырнула за ширму в углу комнаты.

Джейни, а затем и Сэм тоже приоделись; Сэм великолепно выглядел в смокинге, а Джейни была совершенно неотразима в простом черном платье. Оно застегивалось сзади

на шею и ниспадало до пола, подчеркивая высокий рост и стройность девушки. Блондинка с соблазнительной фигурой и алыми губами, Джейни выглядела так, будто ждала, чтобы кто-нибудь расстегнул на ней платье – во всяком случае, Эстелла надеялась именно на такой эффект, когда его создавала.

Они сдвинули бокалы, выпили до дна и скрыли свои наряды под верхней одеждой – Эстелла с сожалением вспомнила плащ, который в Париже пришлось отдать таинственному незнакомцу, а здесь она не могла позволить себе что-нибудь поинтереснее будничного пальто, – затем Сэм поймал такси до Грамерси-парка.

Такси остановилось у здания, очертания которого показались Эстелле смутно знакомыми. Фонари не горели, она не могла как следует разглядеть дом, и тем не менее что-то заставило ее вздрогнуть и плотнее запахнуть пальто, словно декабрьский холод проник до костей.

– Замерзла? – спросил Сэм.

– Нет, – покачала она головой. – Всего лишь померещился призрак.

– Идем внутрь. Там светло, море шампанского и никаких призраков. – Джейни плавно взбежала по ступенькам, кивнула швейцару и протянула приглашения. Всех троих пропустили без лишних слов. – Говорила же вам, пройти сюда так же просто, как найти Канзас на карте³¹.

³¹ Штат Канзас на карте представляет собой практически идеальный прямо-

В зале было накурено, однако не настолько, чтобы затмить дам, щеголявших в сверкающих драгоценностях. Как догадалась Эстелла, это не бижутерия. Она поблагодарила свое платье, которое позволило чувствовать себя хотя бы отчасти принадлежащей к кругу избранных. Джейни не потребовалось много времени, чтобы найти мужчину, который выразил готовность закружить ее в танце; точно так же и Сэм непринужденно присоединился к группе любителей сыграть в покер и пропустить по бокалу виски. Однако Сэма почти сразу увела на танцпол симпатичная брюнетка, а на следующий танец, не дав брюнетке опомниться, перехватила рыжеволосая девушка.

Эстелла попеременно проводила время то в баре, то на танцполе, куда ее периодически вытаскивали нетрезвые молодые мужчины, все как один упорно предлагавшие – несмотря на возражения – показать библиотеку, хотя, как Эстелла догадывалась, в их планы вряд ли входило чтение книг. После четвертого приглашения она перешла на французский, сделав вид, что не понимает кавалеров, и налегла на шампанское.

Наверное, именно потому, когда рядом очутилась Джейни, Эстелла указала на проходящую мимо женщину и произнесла громче, чем нужно:

– Только взгляни на эту жалкую, испорченную копию платья от Ланвен. Я зарисовала его на одном из показов в про-

шлом сезоне. Знать бы, что из него сотворят, в жизни не стала бы копировать.

Джейни посмотрела туда, куда показывал палец Эстеллы. Юбка с асимметричным краем из полос белого и черного шелка, черный корсаж, колье-воротник с жемчугом.

– Они сэкономили на полосках ткани, – продолжала Эстелла. – Юбка задумывалась в два раза пышнее. А эта смотрится как бабочка, у которой одно крыло короче другого.

– А давай еще? – засмеялась Джейни.

Эстелла повернулась и лицом к лицу встретилась с женщиной, которая явно расслышала комментарий. Дама сжала губы бантиком, вот только вместо улыбки приоткрыла рот и произнесла тоном, далеким от доброжелательного:

– Вы слишком уверенно судите!

Эстелла поняла, в чем дело. Дама тоже носила копию, провальную версию одного из любимых Эстеллой вечерних платьев от Шанель, которое, по задумке модельера, должно обнимать тело, как рука любовника. Оригинал был пошит из черного кружева, расходящегося вниз веером и плавно переходящего в длинную юбку; букетик белых камелий из льняной ткани, приколотый над правой грудью, частично маскировал ложбинку – там, где ее открывал вырез в форме сердца. В версии, которую надела дама, камелии приколоты слишком высоко, выставив ложбинку на всеобщее обозрение, кружево пришили к подкладке кое-как, так что оно задиралось с одной стороны, а юбка свисала до пола, вместо

того чтобы грациозно ниспадать. Оборонительное выражение лица намекало: дама заподозрила, что Эстелла понимает, насколько ее платье не соответствует бренду из мира высокой моды, которому обязано своим происхождением.

– Не понимаю, почему столько энергии тратится на вещи, которые не соответствуют своему предназначению. – Шампанское развязало язык Эстеллы, однако она старалась быть вежливой.

– А что демонстрирует ваше платье? Небольшую вспышку на солнце? – спросила дама с презрением, слишком очевидным, чтобы его проигнорировать.

– Это оригинал. «Стелла Дизайн». Приходите ко мне, если вам наскучили подделки.

– «Стелла Дизайн». Я запомню.

Дама удалилась прочь, и Эстелла с опозданием поняла, что совершила чудовищную ошибку. Что в очередной раз ей следовало прикусить язык одним высказыванием раньше. Она протянула руку за очередным напитком – на этот раз джином. Джейни снова умчалась танцевать.

После полуночи по залу пронесся шепот, сопровождаемый радостными женскими возгласами и придыханиями, похожими на внезапные и повторяющиеся руганки саксофона.

– Алекс вернулся!

Эстеллу заинтересовало – кто же смог вызвать такое смятение в рядах людей, которых трудно удивить?

– Он такой загадочный, прямо как Гэтсби³², – одна из женщин в баре со знанием дела просвещала другую, – да к тому же сомнительного происхождения. Ходят слухи, его отец был пиратом в восточных морях. – Женщина хихикнула и продолжила свою сказку: – Я знаю, адвокатам много платят, но у него, кажется, денег больше, чем можно заработать легально. И такое фатальное обаяние! Ты сейчас увидишь, почему все женщины в зале штабелями падают.

Эстелла улыбнулась. Фатально обаятельный пират! Нельзя подпускать Джейни к этому мужчине. Он явно не из тех, кто рвется связать себя узами брака. Она огляделась, разыскивая подругу, однако не смогла ее найти. Эстелла обошла зал по периметру, улыбнулась Сэму, на коленях у которого удобно устроилась очередная девушка, на сей раз блондинка, и вскоре ощутила, что не настолько твердо стоит на ногах, как хотелось бы. Самое лучшее для нее сейчас отправиться домой. Джейни достаточно разумна, чтобы не клюнуть на пирата.

Эстелла нашла свое пальто, накинула поверх платья и направилась в дальний конец зала, надеясь обнаружить там выход. Однако колонны отбрасывали тени, сбивая ее с толку, а свет с высоты второго этажа сюда не проникал. Она почти ничего не видела. К тому же выпитое шампанское придавало залу некоторое вращение.

– Алекс! – Какой-то мужчина в спешке налетел на Эстеллу

³² Герой романа Ф.С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби».

и оттолкнул за колонну, расплескав на нее свою выпивку. – До меня дошли слухи...

– Это не слухи, – весело ответил другой, очевидно тот самый таинственный Алекс. – Я вернулся.

– До тех пор, пока мы опять не вышвырнем тебя из страны, – мрачно расхохотался первый. Эстелла вытерла с пальцев виски.

– Если моим преследованием займешься ты, я останусь здесь на десятилетия, – ответил Алекс. – Уж извини. – Его голос был знаком Эстелле. Мужчина говорил почти без акцента.

И прежде чем Эстелла, занятая стряхиванием виски со своего пальто, успела поднять голову, она обнаружила, как ее сгребли в охапку и крайне нецеломудренно поцеловали рядом с мочкой уха, а тот же самый голос – голос Алекса – произнес:

– Я нашел тебя!

Мысли Эстеллы заметались.

Кто он, черт возьми? Разве у нее была привычка бегать по вечеринкам и напиваться? В этом проклятом полумраке она ничего не могла разглядеть, кроме темных волос мужчины и его губ, которые тянулись к ее губам.

Поблизости кто-то зажег сигарету, и во вспышке пламени она рассмотрела блестящие карие глаза и контуры лица, которое назвала бы *séduisant*³³ – не сумев подобрать точного

³³ Обольстительный (фр.).

английского эквивалента этому слову; красивый – слишком пресно, соблазнительный – слишком тривиально, слишком безвкусно. Нет, этот мужчина настолько привлекателен, что глазам больно – он не прилагает усилий ради того, чтобы так выглядеть, и, безусловно, осознает эффект, производимый на людей его внешностью, – привлекателен до такой степени, что его лучше избегать. Такого мужчину забыть невозможно. Они встречались раньше?

Вспышка зажигалки длилась всего лишь миг, и впечатления накатили и моментально схлынули. Все снова погрузилось в темноту прежде, чем Эстелла смогла как следует разглядеть черты его лица, размотать клубок воспоминаний и выяснить, откуда она знает этого человека.

И тут этот Алекс начал целовать Эстеллу, да так, как ее давно еще никто не целовал – а вернее, как никто никогда не целовал, – а поскольку он делал это умело, она тотчас же ответила и приоткрыла рот в поисках его языка. Одной рукой мужчина перебирал ее волосы, что помогало его языку еще глубже проникнуть к ней в рот, в то время как другой рукой спустился к бедру Эстеллы и погладил ее сквозь пальто, буквально обжигая кожу.

Попав в ловушку доселе неиспытанного желания, она отступила назад от человека, которого не знала, однако целовала так, словно знала лучше, чем кого-либо. Он не отрывал от нее глаз, и Эстелла ощутила себя обнаженной, даже кожа будто отшелушилась и открыла сердце. А ведь она вовсе не

была уверена, что хочет, чтобы этот мужчина видел ее сердце.

– Подожди, – тихо проговорил он почти шепотом, и шепотом настолько нежным, как скользящая по ее спине рука, но также и голодным, жаждущим получить от нее то, что, как она догадывалась, он получал слишком часто и слишком легко, особенно учитывая его привычку *так* целовать женщин.

Мужчина протянул руку, и их пальцы сплелись, однако и этого хватило; вот они, танталовы муки сгорающей на огне желания плоти, когда она соприкасается с другой плотью.

«Завтра вечером у «Джимми Райана», – послышалось Эстелле, прежде чем ее утянуло в гущу танцующих, а Алекса окружило кольцо дружеских и одновременно раздосадованных голосов. Эстелла споткнулась, потом еще и еще раз, словно ее подошвы смазали маслом – настолько ее ошеломил и нокаутировал поцелуй.

Как-то ей удалось найти выход, и она, ощущая все ту же дрожь, пробежала через готическую арку и дальше, вниз по лестнице. Остановила такси и лишь тогда сообразила, что нет денег. Она долго, очень долго шла пешком до «Барбизона», одинокая и покинутая, а под веками унылой чередой проплывали образы, в которых она узнавала свою маму.

Вернувшись в отель, она упала на постель, не потрудившись снять платье, и свернулась клубочком, а во сне видела, как прижимается к мужчине, обнаженная, и его руки обни-

мают ее.

Когда Эстелла проснулась, уже наступило утро. Она изогнулась всем телом, чтобы вновь почувствовать мужчину, однако ощутила лишь пустоту, и тогда принялась воскрешать в памяти обрывки минувшей ночи. Поцелуй. Мужчину, одновременно знакомого и чужого, и все дальнейшее, которое было лишь сном. В горле застрял комок, к глазам угрожающе подступили слезы.

«Завтра вечером у «Джимми Райана»... Неужели и эти слова приснились?

Глава 6

Эстелла провела следующий день, сгорбившись над швейной машинкой – она шила платье для свидания, которое, вполне возможно, существовало лишь в ее воображении. Джейни позвонила и сообщила ей, что сразу после работы встречается с мужчиной, с которым познакомилась на вечеринке, и Эстелла поблагодарила бога: теперь не придется объяснять, что с ней творится. Тем более она и сама этого не понимала.

В полдень Эстелла устроила небольшой перерыв и отправилась в бассейн отеля. Она старалась делать это ежедневно, наслаждаясь медитативными ощущениями от рассекания воды руками, хотя и плавала не очень хорошо. Эстелла надеялась, что вода, как обычно, поможет ей расслабиться. Однако время она выбрала неудачное, и, к несчастью, у входа в лифт натолкнулась на администраторшу отеля. Эстелла была в купальнике, который соорудила из купленной по дешевке хлопчатобумажной мужской рубашки, у которой она отпоролла рукава и пришила к ней нижнюю часть из ткани черного цвета, получив в результате стильный купальный костюм обтекаемой формы, намного более практичный, чем тяжелые и впитывающие воду платья-купальники, которые надевали другие женщины.

– Что это на тебе? – рывкнула администраторша.

– Я собираюсь поплавать.

– Нельзя разгуливать по отелю в таком виде!

– Я иду в бассейн.

– Или прикройся, или тебе придется искать другое жилье.

Тут у нас Америка, а не Франция.

– Знаю, – ответила Эстелла и тут же бросилась в свою комнату, чтобы найти остаток черной хлопковой ткани и подвязать на талии в виде юбочки. А смотрится отлично, признала она, нужно запомнить на будущее. Проходя мимо администраторши, она дерзко послала ей воздушный поцелуй в знак благодарности за идею.

В восемь вечера, искупавшись, Эстелла надела свое новое платье из зеленого джерси, длинное, стройнящего покроя: широкий шарф перекинут через шею, скрещивается на груди, далее обматывается вокруг тела под грудью, спускается ниже и завязывается сбоку у бедра. Сначала она решила, что концы шарфа будут просто ниспадать, однако в последний момент придала узлу форму объемного цветка, напоминавшего пион. Платье спереди выглядело классическим, и ничто не намекало на то, что спина полностью открыта. Сюрприз. Дань уважения к Вионне с ее драпировками, но пошито из демократичной ткани, которую могли позволить себе женщины, подобные Эстелле.

Она подкрасила ресницы и губы, распустила волосы, чтобы темные локоны струились по спине, а сбоку закрепила прическу заколкой из искусственного бриллианта в форме

звезды. Заколку мама подарила ей на шестнадцатый день рождения. Эстелла прикоснулась к звезде, вновь попытавшись ощутить мамино присутствие, и попросила вселенную отправить ей весточку, сообщить, в безопасности ли Жанна; однако по-прежнему слышала лишь гудки проезжающих по Манхэттену автомобилей.

А затем, пока не успела спохватиться и спросить себя, что творит, она спустилась в метро и доехала до 52-й улицы. «Джимми Райан», джаз-клуб в цокольном этаже старинного особняка, смотрелся с улицы более консервативным, чем можно было предположить по извергавшейся из его чрева музыке.

– Два доллара, – сказал бармен, наливая ей сайдкар.

Она кивнула и сделала вид, что роется в сумочке, прекрасно зная, что не может себе позволить истратить на выпивку целых два доллара, затем отодвинула бокал.

– Я оставила деньги на комод. Простите меня.

– За счет заведения, – подмигнул бармен.

– Спасибо. – Эстелла подняла бокал и с удовольствием отпила коктейль. И внезапно совсем рядом увидела Алекса, такого чертовски неприступного, что почти физически ощутила, как ее платье самопроизвольно падает на пол.

– Ты пришла! – А ведь она слышала этот голос не только вчера на вечеринке, но и где-то еще.

Вспышка памяти ослепила ее. Эстелла резко опустила бокал на барную стойку. Театр Пале-Рояль. Танец с мужчиной,

от которого можно ждать больше чем неприятностей; он по меньшей мере имел дело со смертью и с секретными заданиями. Алекс и есть тот роковой мужчина.

Прежде чем она успела что-либо сказать, в клуб вошла другая женщина и, устремившись прямо к Алексу, схватила его под руку и поцеловала в щеку. Эстелла сдавленно вскрикнула, да так громко, что удивилась – как только посуду не побила?

Потому что та женщина была ее точной копией, и Эстелла едва могла определить, где кончается она сама и начинается другая. Разве что та женщина явилась из ее будущего – из такого будущего, которое, как надеялась Эстелла, не наступит никогда: Эстелла с потухшими глазами, Эстелла сломленная.

Алекс отступил на шаг, переводя взгляд с одной версии Эстеллы на другую.

Ей хотелось зажмуриться и убежать, чтобы никогда не видеть той женщины – да кто она, черт возьми? – однако Эстелла не могла показать такому мужчине, как Алекс, и женщине – его любовнице и своему двойнику, – насколько сбита с толку и напугана.

– Странно, не правда ли? – выпалила она, прежде чем развернуться и выскочить из клуба. В глазах щипало.

На улице, почувствовав себя в безопасности, она согнулась пополам и ухватилась за стену, ища у камня утешения, которого тот не мог дать.

Алекс целовал ее прошедшей ночью, потому что принял за другую. Одной загадкой меньше. А остальные Эстелла разгадывать не хотела. Что принес ей Алекс, начиная с того самого вечера в Париже? Только потери, боль и страдания.

Часть 2

Фабьен

Глава 7

Май 2015 года

– Объявляю выставку «Швея из Парижа» открытой!

Публика, собравшаяся в Метрополитен-музее на ежегодное празднество, заплодировала и начала продвигаться к залам. Фабьен помедлила, не желая очутиться в самой толчее. Хотелось побыть одной у каждого экспоната – она до такой степени гордилась своей бабушкой, что буквально задышалась от восторга. Фабьен поняла, что стоит рядом с Анной Винтур³⁴, и нацепила глупую улыбку. Однако секунду спустя улыбнулась уже по-настоящему; Анна, которая также была одета в «Стелла Дизайн», заметила ее вечернее платье и с одобрительным кивком шепнула:

– У вас превосходный вкус.

Весь вечер Фабьен преследовало неуловимое ощущение нереальности происходящего. От вида Пятой авеню, заполненной обезумевшей толпой, жаждущей лицезреть знамени-

³⁴ Анна Винтур (р. 1949 г.) – британская журналистка, с 1988 г. главный редактор американского издания журнала «Вог».

тостей (с каким разочарованием, должно быть, они взирали на Фабьен!), и до красной ковровой дорожки, вдоль которой под прицелом камер прошли Кейт Хадсон, Сара Джессика Паркер и, кажется, одна из сестер Кардашьян – Фабьен редко смотрела телевизор и потому не была в этом уверена, – а еще Хью Джекман и Николь Кидман; к этим двоим ей хотелось подбежать и дружески поприветствовать, потому что они австралийцы.

Если бы только Эстелла могла прийти и увидеть все это, думала Фабьен. Бабуле понравилось бы, как люди восхищаются платьем «Звезды и полосы», классического темно-синего цвета с узкими белыми горизонтальными полосами и оригинальной звездой чуть выше сердца, или великолепной красной юбкой – единственным экземпляром из 1943 года, – вышитой крошечными повторяющимися изображениями трех ведьм на помеле, или блузками 1944 года с рисунком на ткани: обесцвеченная карта Парижа, на которой улицы выглядели как тонкие перекрещивающиеся линии; образ города, изо всех сил снова пробивающегося к свету. Фабьен подошла ближе, чтобы рассмотреть еще более неяркую карту на одной из блузок, и споткнулась о чью-то ногу. Чтобы не упасть, она выставила вперед руку и задела спину незнакомого мужчины.

– Простите! – воскликнула она. – Я загляделась на блузку. Мужчина обернулся; то же самое сделала его спутница. Оба вежливо улыбнулись.

– Это потрясающе, верно? – обратилась женщина к Фабьен. – Я пыталась отыскать Триумфальную арку и не заметила вашу ногу. Сама виновата.

– Так вы нашли арку?

– Вот она. Справа внизу. – Мужчина показывал на карту, и Фабьен невольно обратила внимание на то, что тот очень привлекателен: темные волосы, голубые глаза, со вкусом пошитый смокинг – в котором он походил на Тома Форда³⁵ – и титановый браслет от Тиффани на запястье.

Фабьен резко переключилась на блузку, и как раз вовремя, прежде чем незнакомец поймал ее взгляд, и велела себе не домогаться чужого бойфренда, особенно бойфренда такой приятной женщины. Она улыбнулась, различив крошечную Эйфелеву башню, затем проследила глазами вдоль Елисейских Полей, по рю де Риволи, пока не уперлась в нагрудный карман прямо над сердцем, и увидела крестик на рю де Севинье. Там находился дом ее бабушки. Дом, в котором Эстелла никогда не жила.

– У вас чудесное платье, – сказала женщина, с восхищением глядя на Фабьен. – Можно потрогать вот этот цветок? Как настоящий!

– Конечно! – рассмеялась Фабьен.

Женщина нежно провела рукой по кожаным лепесткам черного пиона, украшавшего плечо Фабьен.

– Само совершенство. Никогда не подумаешь, что пион

³⁵ Том Форд (р. 1961 г.) – режиссер и дизайнер одежды в компании Гуччи.

сделан из кожи. Оттого он выглядит еще более интригующе. – Она вздохнула и посмотрела через плечо Фабьен на другое платье. – Только взгляните. Можно носить сейчас, и все скажут, оно по-прежнему сказочно красиво.

Фабьен повернулась к золотому платью, одной из самых любимых вещей бабушки. Эстелла всегда говорила, несколько загадочно, что платье предопределило ее судьбу.

– Согласна с вами.

Они замолчали, и до Фабьен дошло, что она всего лишь случайная собеседница, лишь отнимающая время у пары.

– Приятного вам просмотра, – сказала она и двинулась дальше.

Следующие два часа пролетели быстро; Фабьен обошла всю выставку, не в силах отогнать от себя мысль: как здесь понравилось бы бабушке! *И как понравилось бы отцу...*

Она пила шампанское. Затем куратор Института костюма представил ее паре знаменитостей, при виде которых она чуть не лишилась дара речи. У Бабули ни за что не зарябило бы в глазах от звездного блеска, напомнила себе Фабьен и попыталась представить, что все они обычные люди, подобные ей самой. В час ночи она решила, что пора уходить; увиденного достаточно, чтобы дать Эстелле исчерпывающую информацию. Она вышла на улицу и направилась вниз по ступенькам ловить такси. У пары впереди, кажется, были проблемы. Мужчина поддерживал под руку женщину, которая двигалась медленно и неуклюже, словно получила

травму и каждый шаг причинял ей боль.

– Могу я помочь? – спросила Фабьен и бросилась вперед, не в силах наблюдать мучительную картину и ничего не делать. А вдруг эти двое скатятся с лестницы?

– Вот и опять мы встретились, – через силу улыбнулся мужчина. Фабьен узнала ту самую пару, с которой столкнулась ранее.

– Ах да. А если я поддержу ее с другой стороны? Или поймаю вам такси? – Она коснулась руки женщины и увидела ее лицо: бледное, застывшее и безучастное, будто та полностью погрузилась в себя.

– Такси было бы неплохо, – ответил мужчина.

Фабьен поспешно преодолела оставшиеся ступеньки и отчаянно замахала рукой. Такси подрулило к бордюру, как раз когда пара доковыляла до тротуара.

– Спасибо. – Мужчина ответил ей очередной вежливой улыбкой, которая не затронула его потемневших от тревоги глаз. Он помог женщине сесть в машину, и спустя секунду их поглотила манхэттенская ночь.

* * *

– Долго мне еще ждать?

Фабьен разбудили, как ей показалось, среди ночи; однако, разлепив глаза, она поняла, что на улице светло, а туман в голове вызван переменной часового пояса и поздним отходом

ко сну.

– Она настойчиво потребовала привезти ее сюда, – извиняющимся тоном произнесла сиделка, вкатывая в спальню кресло. – Я удерживала ее, сколько могла.

– Все в порядке. – Фабьен села на кровати и наклонилась поцеловать бабушку в обе щеки.

– Она позавтракала и сделала все утренние процедуры, – сообщила сиделка и вышла из комнаты.

– Как прошел вечер? Ты развлеклась? – спросила Эстелла таким знакомым голосом, который невозможно спутать с другим: своеобразная смесь французского и американского акцентов и необычный тембр, словно не от мира сего. Да и внешний вид, с грустью отметила Фабьен, это подтверждает. Будто бабушка больше не принадлежит сегодняшнему дню и уже присоединилась к отцу Фабьен на небесах; до сих пор Эстелла цеплялась за этот мир кончиком пальца, но в конце концов даже и он соскользнул. Фабьен считала, что ей повезло: Бабуля в свои девяносто семь лет все еще с ней. И вдвойне повезло, потому что, хотя тело бабушки ее подводит, ум остался таким же острым, как всегда.

– Вечер прошел идеально, Бабуля, – ответила Фабьен и принялась рассказывать бабушке все: во что была одета публика, какие экспонаты выставлены, кто присутствовал и кто что говорил, какими почестями осыпали Эстеллу Биссетт и ее легендарную линию одежды «Стелла».

Эстелла протянула ей открытый конверт.

– Самой красивой, уж во всяком случае, была ты, – с гордостью произнесла она.

Фабьен вытряхнула из конверта фотографию, которую, вероятно, доставил сегодня утром какой-то бабушкин почтитель из журнала «Вог». Фото запечатлело Фабьен на красной ковровой дорожке в бесподобном вечернем платье, созданном Бабулей персонально для нее, – сплошная лента серебристого шелка, изящно драпированного и спиралью обвивающего ее тело, с необыкновенно пышной юбкой, которая сделала бы честь любой принцессе, с глубоким вырезом и рукавами-крылышками, начинающимися от края плеч и открывающими ключицы; а чтобы не изобразить Фабьен совсем уж принцессой, на выручку пришли пионы из черной кожи, букетик слева на талии и такой же над правой грудью. В этом платье она уже не чувствовала себя неуклюжей австралийкой, спотыкающейся о чужие ноги.

– Мне кажется, ты пристрастна, – улыбнулась Фабьен.

– Твой отец наверняка согласился бы со мной.

Фабьен коснулась бабушкиной руки:

– Ему бы понравилась выставка.

Слезы, которые, как она надеялась, наконец иссякли, вновь навернулись на глаза.

– Фабьен... – вздохнула Эстелла. – Мне тоже его не хватает.

На несколько минут обе замолчали. Фабьен понимала, что бабушка, как и она сама, вспоминает Ксандера Биссетта, от-

ца Фабьен и сына Эстеллы. Замечательный человек, любящий отец и сын, он, казалось, совсем не старел – даже в семьдесят четыре года волосы были не совсем седыми. Однако месяц назад с ним случился тяжелый инсульт.

– Твоя мама не захотела приехать в Нью-Йорк вместе с тобой? – спросила Эстелла.

Фабьен покачала головой.

– Думаю, она боится увидеть тебя. Вы с папой так похожи. Она... – Как описать то, что произошло с мамой за месяц после смерти отца? – Она упала духом и не в состоянии распрямиться. Я за нее беспокоюсь. Правда, теперь ушла с головой в работу, как всегда.

Сидя рядом с бабушкой и крепко сжимая ее руку, Фабьен ощущала ту же привязанность, что и в детстве – и большую, чем близость к матери, – хотя и видела Эстеллу лишь раз в год, в июле, когда Фабьен с папой совершали путешествие из Сиднея в Нью-Йорк и затем во Францию.

– Да и ты тоже хандришь. – Бабушка откинулась в кресле и придиричиво оглядела Фабьен. – Слишком грустна для молодой девушки. И дело не только в твоём отце. Почему ты не приехала со своим молодым человеком?

– Мы расстались, – созналась Фабьен.

Тот самый молодой человек, Джаспер, последние два года был ее бойфрендом, и кстати, не таким уж молодым – тридцать семь лет. На восемь лет старше Фабьен. На следующий день после смерти отца она наконец поняла, что их с Джас-

пером представления о любви разнятся: для него это означало иметь девушку, с которой он будет хорошо смотреться на очередном показе, и к тому же совместимую с ним в постели и с которой ни к чему особо напрягаться, поскольку тебя уже выбрали и не нужно добиваться расположения. А вот для Фабьен любовь означала запредельную интенсивность чувств и нестерпимую вибрацию в воздухе, когда любимый рядом; постоянное желание коснуться руки любимого. Хотя, возможно, это всего лишь фантазии и такую любовь, какой она представала в рассказах бабушки, Фабьен может никогда не испытать, – та любовь осталась в прошлом, когда все было иначе.

– Ну и отлично. Мне он никогда не нравился, – произнесла Эстелла как отрезала. Фабьен не смогла удержаться от смеха. – Тебе нужно съездить в Париж, – продолжила бабушка. – Париж – то место, где ты непременно найдешь свою любовь.

– Бабуля, люди находят свою любовь в разных местах по всему миру. Нет необходимости ехать в Париж.

– Любовь, которую ты найдешь в Париже, особого рода, – настаивала бабушка. – Отправляйся туда на уик-энд. Взбодрись, прежде чем возвращаться в Сидней и браться за новую работу. Что ты теряешь?

– Я проделала весь этот путь, чтобы повидаться с тобой, – осторожно возразила Фабьен. К тому же нужно кое о чем расспросить бабушку, а сделать это из Парижа невозможно.

– Мне не нравится видеть тебя такой понурой. Хочу видеть настоящую Фабьен, ту, которую я почувствовала в тебе, еще когда впервые взяла на руки. Просто ты еще не открыла в себе ту Фабьен. – На последних словах бабушка выставила вперед палец, словно желая подчеркнуть их, и от напора Бабули Фабьен слегка вздрогнула.

Настоящая Фабьен... Кто она? И чем отличается от Фабьен нынешней? Да, ей очень грустно, ведь недавно умер отец, и еще она рассталась с Джаспером. Уик-энд в Париже ничего не изменит.

* * *

Входя в театр Пале-Рояль, Фабьен уже не сомневалась, что бабушка была намного мудрее ее. В конце концов, сдавшись под напором Бабули, она отправилась в Париж на уик-энд и уже на другой день почувствовала себя лучше. Даже ночь в самолете ее не утомила. А еще, кажется, она не пробовала ничего вкуснее французского багета и французского кофе в одном из уличных кафе в сердце квартала Марэ, неподалеку от дома бабушки, где Фабьен с отцом – и реже с матерью – останавливалась на каникулах столько раз, что воспринимала его как уютную пижаму, хотя подобное сравнение наверняка звучало оскорбительно для такого большого и старинного особняка. А сегодня она проведет вечер в своем любимом театре, который посещала с бабушкой так часто, что

не имело значения, какое представление дают; даже просто очутиться в хорошо знакомом и приятном месте достаточно, чтобы почувствовать красоту, неподвластную времени.

Вот и сегодня вечером Фабьен даже не поинтересовалась программой заранее и, к своему удивлению, обнаружила, что это не спектакль, а фильм. Афиша у входа анонсировала документальную ленту о Жане Шлюмберже, одном из выдающихся дизайнеров компании Тиффани, который к тому же, как она прочла, во Вторую мировую войну служил в «Свободной Франции» Шарля де Голля.

Фабьен нашла указанный в билете ряд и обнаружила, что придется потревожить пару, уже занявшую свои места. Те были увлечены разговором, судя по их печальным лицам, серьезным. Фабьен по-французски заверила капельдинершу, что помощь ей не требуется, и, выждав секунду, произнесла:

– *Excusez-mo...i*³⁶

Мужчина и женщина подняли глаза, и Фабьен узнала обоих; потребовалось лишь секундное усилие, чтобы вспомнить, где именно они встречались.

– Метрополитен-музей! – воскликнула она одновременно с женщиной, и обе рассмеялись.

– Ну что ж, на этот раз я не наступила вам на ногу, – сказала Фабьен.

– Мелисса Огилви. А это Уилл.

Мелисса улыбнулась и жестом показала на своего спутни-

³⁶ Извините (*фр.*).

ка. Фабьен села рядом с Уиллом и представилась:

– Фабьен Биссетт.

– Биссетт? – повторила Мелисса. – Мы встретились на выставке Эстеллы Биссетт, и у вас та же фамилия. Вряд ли это совпадение.

– Эстелла – моя бабушка.

– Ого! Вот откуда ваш потрясающий наряд. Мне безумно понравилось платье, в котором вы были на выставке, и я догадалась, что оно уникальное.

– Бабушка создала его для меня, – кивнула Фабьен. – Такою красоту жаль снимать, даже ложась в постель.

Мелисса вновь рассмеялась.

– Откуда вы? – спросил Уилл. – Я слышал ваш превосходный французский в разговоре с капельдинершей, и вы определенно не американка, иначе каждый в Метрополитен-музее знал бы от вас, кто ваша бабушка.

– Я из Австралии.

– А безупречный французский у вас с рождения?

Фабьен покачала головой, стараясь не замечать, как красив Уилл. Она не собиралась домогаться спутника Мелиссы – мужа, бойфренда или кем он ей приходился.

– Моя бабушка очень упряма; она настояла, чтобы меня учили французскому с детства, едва я начала говорить. Муштровала меня в глаголах и поясняла непонятные слова всякий раз, когда я у нее гостила. Теперь я ей очень благодарна, хотя в свое время сопротивлялась. А еще мы каждое

лето приезжали в Париж. У Эстеллы дом в квартале Марэ.

– Ужасно хочется совершить прогулку по тем местам.

– Это самый прекрасный район Парижа. Непременно посвятите ему хотя бы день. Вы надолго здесь?

– Только на уик-энд, – ответила Мелисса. – Мой брат взял на себя обязательство каждый месяц вывозить меня в какое-нибудь новое место.

Фабьен постаралась сдерживать радость от открытия, что Уилл всего лишь брат Мелиссы.

Уилл взглянул на сестру и покачал головой, однако она продолжила:

– У меня рак яичников. В терминальной стадии. Я знаю, Уилл считает, я должна держать это при себе и не грузить людей, однако что есть, то есть. И пока я чувствую себя более-менее сносно, он каждый месяц выгуливает меня в разных уголках мира.

Мелисса положила руку на плечо Уилла, и Фабьен увидела, как на его лице проступили горестные складки.

– Спасибо, что помогли нам в тот вечер, – обратился он к Фабьен. – Вот еще одна причина, по которой я понял, что вы не американка. Истинный житель Нью-Йорка скорее перешагнул бы через нас, чем поймал такси.

– Я не сделала ничего особенного. – Фабьен пожалела, что не могла сделать большего. Ее поступок перед лицом терминальной стадии рака у такой молодой женщины – Мелисса выглядела лет на двадцать пять – был настолько незначи-

тельным, что не стоил и упоминания. И она понимала, каким стремительным и агрессивным может быть этот вид рака, потому что ее мама основала одну из первых женских онкологических клиник в Сиднее.

– Время от времени у меня случаются боли в спине, – сказала Мелисса. – Изматывающие боли. И в тот раз моя болезнь решила, что я уже достаточно наразвлекалась и единственный способ напомнить о моих ограниченных возможностях – это скрутить меня с такой силой, что я еле выползла с выставки.

– Наверное, каждый на моем месте сказал бы: «Мне очень жаль». А вот я не буду. Лучше скажу: я рада, что вы решили приехать в Париж. Моя бабушка верит, что Париж лечит лучше всякого врача.

– Я тоже рада, что мы здесь, – ответила Мелисса.

Уилл приобнял сестру за плечи и поцеловал в щеку. У Фабьен сжалось горло, на глаза навернулись слезы.

К счастью, в этот момент люстры в театре начали гаснуть, и она смогла вытереть глаза, как полагала, незаметно для других. Однако в этот момент Уилл что-то передал ей. Это оказался отутюженный и идеально свернутый белый носовой платок. Льняной. Неужели еще не перевелись мужчины, которые носят с собой такое? Бабушка была бы в восторге.

– Спасибо, – прошептала она.

Фабьен не могла сосредоточиться на фильме. Ею овладели противоречивые чувства: сострадание к Мелиссе, которую

она едва знала, но которая казалась такой активной и полной жизни, что в любых других обстоятельствах стала бы ей чудесной подружкой; и сильный дискомфорт от того, что Уилл сидел рядом и она остро ощущала его малейшие движения. Со дня смерти отца все ее чувства, казалось, обострились и причиняли боль; Фабьен говорила себе, что и сейчас всему виной недавняя утрата. Однако она точно знала: причина ее состояния – Уилл Огилви, с его античной красотой, очевидной привязанностью к сестре и тщательно сложенным носовым платком.

В антракте Фабьен не торопилась вставать с места, чтобы дать Огилви возможность побыть наедине друг с другом, однако Мелисса наклонилась и предложила:

– Идемте с нами в бар. Может, хоть так я смогу получить то, что заказываю, а не то, что понял бармен, слушая ужасный французский Уилла.

– А вчера за ужином ты говорила, что рыба очень вкусная, – засмеялся Уилл.

– Я пыталась перевести меню, – заговорщически шепнула Мелисса, – а брат решил, что дорадо – это вид говядины!

– Разве что морская корова, – тоже засмеялась Фабьен.

Уилл улыбнулся, и у нее екнуло в животе.

«Прекрати, – велела себе Фабьен. – Ведешь себя как тинейджер».

– Что будете пить? – спросила она, радуясь поводу отлучиться в бар, и, увидев как Уилл достает кошелек, предло-

жила: – Я угощаю.

– Джин с тоником, – отчеканила Мелисса. – Уилл тут же нахмурился. – Могу я пропустить бокальчик? Он меня не убьет! – добавила она с мрачной усмешкой.

– Лисс... – Уилл выглядел чернее тучи.

Фабьен поспешно удалилась в сторону бара, чтобы не видеть размолвки между братом и сестрой, и лишь потом спохватилась, что Уилл еще не выбрал напиток. Поэтому заказала ему коктейль «Апероль Спритц», как и себе.

– Замечательно, – кивнул Уилл, когда Фабьен с извинениями вручила ему бокал. – Будем здоровы! За новых друзей!

– Вы работаете вместе с бабушкой? – спросила Мелисса.

– Нет. Хотя она уговаривала... да что там, умоляла каждый год. Я тоже работаю в индустрии моды, хотя и в ином направлении. Меня как раз недавно назначили, – Фабьен улыбнулась, радуясь поводу произнести это вслух, еще не вполне привыкнув к названию должности, в которой ее утвердили около месяца назад, – главным куратором моды музея Пауэрхаус в Сиднее. Работа моей мечты, – создалась она.

– Поздравляем! – Мелисса подняла бокал и чокнулась с Фабьен. – Но почему вы не предпочли сотрудничать с бабушкой?

– Лисс, – перебил сестру Уилл, – ты слишком любопытна. – Он повернулся к Фабьен: – Мелисса думает, ей все сойдет с рук просто из сочувствия. Если вас раздражают ее вопросы, так прямо и скажите.

– Все в порядке, – солгала Фабьен. Мотивы ее решения лежали слишком глубоко, и она предпочитала ни с кем с ними не делиться. – Думаю, я побоялась, – нерешительно продолжила она, – не оправдать ее ожиданий. Бабушка – просто воплощение энергии. Она очень долго находилась на гребне успеха. И я не хочу стать той, которая пришла и все испортила. – Она закончила говорить и вздрогнула. А вот это уже перебор. Едва успела познакомиться с людьми, а они уже знают о ней больше, чем кто бы то ни было.

– Я понимаю, – мягко сказал Уилл.

– Еще бы ему не понимать, – заявила Мелисса. – Мне пришлось практически силой заставить его согласиться на теперешнюю должность. Ведущий дизайнер Тиффани. Тоже не хотел испортить то, что досталось по наследству. Хотя испортить не было ни малейшего шанса, – с насмешкой добавила она.

– Ведущий дизайнер Тиффани, – повторила Фабьен. – Вот откуда ваш интерес к фильму. У вас чудесная работа.

– Чудеснее не бывает, – улыбнулся он.

– И очень выгодная. – Мелисса протянула руку, демонстрируя браслет, украшенный великолепными бриллиантами.

Прозвенел звонок, приглашая зрителей занять свои места. Двигаясь по проходу, Уилл легко коснулся талии Фабьен, чтобы пропустить вперед, и все ее тело встрепенулось. Такого с ней в жизни не случалось.

Глава 8

На следующее утро Фабьен примерила и забраковала три наряда и выругалась про себя, когда поняла – это все, что она взяла с собой; свидание с привлекательным мужчиной было последним, о чем она думала, пакуя вещи. Наконец она остановилась на костюме от «Стеллы», винтажной вещице из пятидесятых годов приглушенно-синего цвета, который дополнила красным шарфом и красной губной помадой, и отправилась во Дворец инвалидов на встречу с Мелиссой и Уиллом.

Встреча была идеей Мелиссы; она хотела, чтобы кто-то с познаниями на уровне эксперта показал ей квартал Марэ и окрестности. Фабьен созналась, что обещала бабушке посетить выставку в Музее армии – экстравагантная просьба, подумала тогда Фабьен, однако Эстелле девяносто семь, она может позволить себе некоторые странности, – и Мелисса решила, что они с Уиллом составят ей компанию, а потом вместе отправятся побродить по Марэ.

Дворец инвалидов был огромным зданием. Уилл ни разу не заходил внутрь, и Фабьен надеялась, что, даже если выставка окажется скучной, великолепие здания, по крайней мере, будет стоить затраченного времени. Они встретились у входа. Фабьен поцеловала Мелиссу в обе щеки по французскому обычаю – в Париже она легко вспоминала этот ри-

туал – и решила, что может проделать то же самое и с Уиллом. Приблизившись к нему, она вдохнула аромат цитрусовых, амбры и моря, почувствовав себя на Ривьере.

– Прошу прощения, если вы мечтали провести этот день по-другому.

– Не сомневаюсь, что мы проведем этот день чудесно. – Уилл улыбнулся, причем так, что Фабьен не смогла ему не поверить.

– На какую тему выставка? – спросила Мелисса.

– Эстелла говорила, что-то о войне. А об этом периоде своей молодости она нечасто рассказывает. Вот потому я решила, что обязана пойти, тем более бабушка настаивала.

Фабьен уткнулась в проспект.

– «МИ9: тайное министерство Второй мировой войны, – прочла она вслух. – Сформирована в декабре 1939 года как внутренняя разведывательная служба, призванная организовывать побег британских военнопленных и помогать вернуться в Британию тем, кто оказался на оккупированной врагом территории, сумев избежать плена. В годы Второй мировой войны МИ9 стала для них якорем спасения, хотя о ее существовании за пределами армии никто не знал; деятельность службы спасла жизни тысячам британских военных. Выставка организована в честь французского народа, всех, кто сотрудничал с МИ9, создавал подпольную сеть маршрутов побега по всей Франции, и тех, кто помогал беглецам не попасть в руки врага. Мы также чтим память со-

трудников МИ9, работавших бок о бок с французами и вызывавших огромное раздражение германских войск, когда беглецы проскальзывали у них сквозь пальцы и возвращались на военную службу, чтобы продолжать сражаться с новыми силами».

– Веселое начало, – сказал Уилл.

– Тогда можете пойти и заняться чем-нибудь другим, – ответила Фабьен.

– Я шучу. – Уилл двинулся за ней. – Посмотрим, что нам покажут.

Хотя Фабьен и не могла понять причину настойчивости своей бабушки, однако и ее, и, очевидно, Уилла с Мелиссой тоже уже через полчаса настолько захватило увиденное, что они втроем были рады – да нет, «рады» не то слово, чтобы описать потрясение, – а просто благодарны судьбе, что пришли сюда.

Фабьен перевела для Уилла и Мелиссы несколько написанных по-французски табличек, объясняющих, что солдаты должны были считать побег из плена своим долгом, что их обучали тактике побега перед отправкой на фронт и что в лагерях военнопленных создавались комитеты по побегу, которые связывались с МИ9, чтобы получать планы и приспособления для побега. Многие из этих планов сработали. Они изумлялись, глядя на пуговицы со спрятанными внутри компасами и другие диковинные вещи: летные ботинки, превращавшиеся в крестьянскую обувь; одеяла с отмаркированными

ми на них шаблонами выкроек, которые можно было разрезать и прострочить, получив гражданскую одежду; спрятанные в авторучках пилки; первая из напечатанных на шелке карта замка Кольдиц, куда отправляли злостных участников побегов, – та самая карта, благодаря которой из неприступной крепости сбежали многие пленные. Однако Фабьен и ее новые друзья сразу стали серьезными при виде списка тех, кто погиб, помогая пленным союзникам и сбитым летчикам вернуться в Англию.

– Здесь говорится, что схваченных агентов МИ9, а также французских мужчин и женщин, которых арестовывали за помощь союзникам в побеге, приговаривали к смерти или отправке в концлагерь, откуда мало кто вернулся, – читала Фабьен. – В то время как самих военнослужащих из числа союзников, которые участвовали в подготовке побега, просто отправляли в лагерь для военнопленных.

– Какая молодая, – прошептала Мелисса, касаясь застекленного шкафчика, где была представлена подпольная сеть «Пэт» – маршрут, по которому беглецов переправляли через Францию, – а еще описывалась судьба Андре Боррель, двадцатидвухлетней француженки, одной из тех, кто руководил работой сети.

Фабьен вздрогнула. В словах Мелиссы она уловила нотки запредельной эмпатии, что заставило подумать: а ведь Мелисса сама наверняка слышала то же самое в свой адрес, причем неоднократно. Какая молодая! Слишком молодая, что-

бы умереть. И она действительно молода. Как Андре Боррель – преданная, схваченная и отправленная в концлагерь, где ей дали смертельную дозу фенола – в июле 1944 года, всего за месяц до освобождения Франции.

– Трудно представить себе, насколько смелыми были эти люди, – сказала Фабьен, чувствуя, как Уилл подошел к ней и встал рядом. – Помогать другим безвозмездно, только лишь ради великой цели. Существуют ли сейчас такие?

– А что бы делали на их месте вы? – спросил Уилл. – Занимались исключительно собой, ни во что не вмешиваясь? Или, подобно этим людям, делали бы все, что в ваших силах?

– Хочется думать, что я сделала бы правильный выбор, – негромко произнесла Фабьен. – Но, учитывая, что мне даже не хватает смелости взять в свои руки бизнес бабушки, такой вариант маловероятен.

– Это другой вид смелости. Один вид происходит от любви: любви к бабушке и ее наследию. А другой вид, как у этих людей, называется... – Уилл запнулся, подыскивая нужное слово.

– Героизм, – закончила Фабьен.

– Да. И я не думаю, что в наши дни есть много настоящих героев. – Он положил руку на плечо сестры.

Фабьен отступила в сторону, давая им возможность пережить этот момент вдвоем. Она принялась изучать ряд фотографий под заголовком «Герои МИ9». Всмотривалась в лица людей, которые в большинстве своем были моложе ее, и

вдруг застыла в изумлении и вскрикнула. Под одной из фотографий стояла подпись: Алекс Монтроуз.

Кажется, это слышали все. Фабьен попыталась сделать вид, что чихнула. Внезапно она поняла, почему бабушка так настойчиво уговаривала ее пойти на выставку. Причиной тому Алекс Монтроуз, человек, имя которого Фабьен еще три недели назад не слышала. Однако оно было напечатано на листке бумаги, лежащем у нее в сумочке; том самом листке, найденном при разборке вещей отца после его похорон.

Бабушка не знала, что Фабьен нашла документ. Однако, судя по тому, как Эстелла настаивала на посещении выставки, она хотела, чтобы внучка что-то разузнала об Алекс Монтроузе. Следовательно, в те несколько часов, которые Фабьен проведет на Манхэттене, ожидая рейса в Сидней, она должна вновь встретиться с бабушкой. Должна расспросить ее о найденном документе. Алекс Монтроуз наверняка занимал важное место в жизни Эстеллы, а значит, и Фабьен тоже. И ей необходимо в этом разобраться.

* * *

В течение всей поездки на метро они молчали, не в силах сбросить с себя оцепенение, в которое погрузились в музее. И, только выйдя из подземки у Деревни Сен-Поль и затерявшись на узких улочках этой жемчужины квартала Марэ, снова пришли в хорошее расположение духа.

Фабьен потащила новых друзей обедать на рынок Анфан-Руж неподалеку от бывшего Карро-дю-Тампль, где за шаткими столиками подавали бесподобную еду. Затем они посетили два *hôtel particulier*, заброшенных особняка – Карнавале и Сале, остановились выпить кофе и побродили в лабиринте двориков Деревни Сен-Поль – один раз Фабьен с трудом вспомнила, как найти дорогу. Теперь здесь находилось эклектичное скопление художественных галерей, кафе, антикварных магазинов с винтажными сокровищами и всякими чудесными вещицами. Мелисса нагружала Уилла все более растущей кучей пакетов. Наконец они добрались до Вогезской площади – места, которое Фабьен всегда считала изюминкой квартала.

– Какая красота! – воскликнула Мелисса, когда они повернули от рю де Турнель и взгляду открылась площадь, ограниченная с четырех сторон зданиями и особняками из красного кирпича с отделкой белым камнем, крытыми серебрястым сланцем, совершенно симметричная и еще более прекрасная благодаря повторению фасадов, контуров и изящных форм. Сводчатые каменные аркады отбрасывали здания в прошлое, в то время как модернистские галереи крепко удерживали в настоящем. В центре площади располагался парк – маленький анклав зелени со множеством скульптурных изваяний, где парижане, прихватив одеяла, устраивали пикники.

– Здесь в самом деле чудесно, – широко улыбнулась Фабьен.

бен, радуясь, что Мелиссе тоже понравилась площадь.

Фабьен почувствовала, как Уилл коснулся ее руки тыльной стороной ладони, посторонившись, чтобы пропустить идущего навстречу прохожего. Уилл смотрел вниз, но руку сразу не отдернул. Два дня назад Фабьен отодвинулась бы, лишь бы только не показать повышенного интереса, однако Фабьен сегодняшня даже не шевельнула рукой. Рука была теплой и приятной, словно шелк.

– Давайте устроим пикник! – Мелисса захлопала в ладоши, как ребенок, и умоляюще посмотрела на брата, словно ожидая от него возражений. – Я совсем не устала. Серьезно, давно уже так хорошо себя не чувствовала. Бабушка Фабьен права: Париж – лучшее лекарство.

– Кстати, дом моей бабушки прямо за углом. Пойду принесу оттуда плед, тарелки и стаканы. Ведь у нас пикник с шампанским?

– Разве в Париже не каждый вечер заканчивают шампанским? – засмеялся Уилл.

– Нет, – улыбнулась ему Фабьен. – На обратном пути я забегу в булочную, возьму что-нибудь поесть. А еще по пути сюда мы прошли мимо сыров, помните?

– Может, я этим займусь? – предложил Уилл. – Купить хлеб и сыр, наверное, несложно...

– Если покупать будешь ты, то одному богу известно, что окажется у нас в желудках, – подколола брата Мелисса. – Советую тебе просто молча ткнуть пальцем на витрину.

Мелисса поспешила занять свободные места на одной из лавочек, чтобы увильнуть от протестов Уилла. Фабьен показала ему, в какой стороне искать магазины, а сама заторопилась к рю де Севинье. Пока она собирала все нужное, пискнул телефон. «Привет, Фаб. В следующую субботу иду на деловой ужин. Мне нужна пара. Ты как? Или все еще не разговариваешь со мной? Джаспер».

Она подумала было проигнорировать сообщение. «*Или все еще не разговариваешь со мной?*» Звучит так, словно речь идет о чем-то второстепенном, словно у них произошла размолвка, затянувшаяся по вине Фабьен, в то время как она ясно дала понять своему бывшему, что между ними все кончено. А он просто недоуменно пожимает плечами, словно не желая перетруждаться и тратить эмоции на Фабьен, – вот, собственно, и итог нескольких лет их отношений. «Нет, Джаспер, только без меня», – напечатала она в ответ, отключив последовавший сразу же звонок.

Вернувшись на площадь, она не обнаружила Мелиссу. Уилла тоже не было. Фабьен углубилась в парк, решив, что они нашли для пикника другое место, однако друзей не оказалось и там. У нее упало сердце. Наверное, тащить их в военный музей было не очень хорошей идеей.

– Прости, задержался. Такое впечатление, что все хотят хлеба и сыра.

Фабьен резко повернулась и оказалась лицом к лицу с Уиллом, держащим в руках багет и упаковку сыров.

– Не могу найти Мелиссу, – озабоченно затараторила она; исчезновение сестры Уилла свело на нет облегчение, которое она испытала, увидев, что он не сбежал.

– Она мне позвонила. Сказала, что устала, поймала такси и едет в отель. Я предложил подождать и поехать вместе, а она говорит: «Даже не думай. Тогда я никуда не поеду, и тебе придется терпеть меня, усталую, весь пикник». Мелисса очень упрямая, ее не переспорить. Я решил отпустить ее. Думаю... – Уилл запнулся, – она не очень тонко намекнула, что хочет дать мне возможность провести время наедине с тобой. И надеюсь, ты не против.

Фабьен покраснела.

– Напомни мне отблагодарить Мелиссу за вмешательство. Уилл рассмеялся и взял ее за руку.

– Где устроимся?

Губы Фабьен растянулись в улыбке, да так, что стало больно.

– Может, вон там?

Они ели и болтали. Фабьен узнала много нового: его мать умерла в возрасте чуть старше тридцати от рака груди, и Мелисса унаследовала плохие гены. Она планировала в тридцать лет принять превентивные меры, сделать мастэктомию и гистерэктомию, но болезнь настигла ее раньше.

– Ужасно, – тихо сказала Фабьен.

– Не то слово.

– А отец? – спросила Фабьен. – Ты с ним близок? Мне ка-

жется, да, ведь он был всем, что у тебя осталось. – В некотором смысле Фабьен сама порой ощущала, что отец был для нее всем. Мать, которая целиком отдавала себя работе в онкологической клинике – хотя, наверное, так и должно быть, когда на карту поставлены жизни, – всегда присутствовала в жизни дочери меньше, чем отец.

– Мой отец, – произнес Уилл мгновенно изменившимся, хриплым и суровым голосом, – предпочитал другие развлечения. Он находил утешение в женщинах, а не в своих детях. Мы с Лисс больше общались с домработницей, чем с ним.

– Неудивительно, что вы с Мелиссой так близки.

– Когда умерла мама, Лисс было двенадцать, а мне семнадцать. А к тому времени как мне исполнился двадцать один год, отец приобрел себе другую квартиру, чтобы «принимать гостей» без, как он выразился, моего укоризненного взгляда. Приходил к нам раз в неделю, пока я не сказал, что он может не беспокоиться. Мы с ним уже много лет не виделись.

– Как печально, – сказала Фабьен, мельком увидев в Уилле обиженного мальчика, который с юных лет вынужден был взять на себя заботу о сестре и для которого наверняка станет тяжелым ударом ее смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.